

Никто и никогда не писал
об Афганской войне ничего-либо
выдающего... Для большинства она —
трагическая война, красивые жертвы,
беспыльная местность. Однако автор этого
романа рассматривает войну в совершенно
ином ракурсе, сравнивал ее со знакомым делом,
смысловым не только убит, но также излечить
и надежды погущею войной.
Для главного героя романа, драматического
корреспондента Алексея Астаханова,
афганская война — захватывающий, самый
тяжелый шаг в жизни военной доблести,
ставшей для него, по сути,
жизнью в бессмертии...

Алескендер РАМАЗАНОВ

ВОЙНА ЗАТИШЬЯ НЕ ЛЮБИТ

Алескендер Рамазанов

Война затишья не любит

«ЭКСМО»

2008

Рамазанов А.

Война затишья не любит / А. Рамазанов — «Эксмо», 2008

Никто и никогда не писал об афганской войне чего-либо подобного... Для большинства она – трагическая ошибка, напрасные жертвы, бессмысленная жестокость. Однако автор этого романа рассматривает войну в неожиданном ракурсе, сравнивая ее со змеиным ядом, способным не только убить, но также излечить и наделить могущественной силой. Для главного героя романа, дивизионного корреспондента Алексея Астманова, афганская эпопея – завершающий, самый тяжелый шаг к вершине воинской доблести, ставший для него, по сути, шагом в бессмертие...

© Рамазанов А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Курьер загулял	5
Седьмая гробница	8
Линии судьбы	12
История мидян	15
Дневник полковника Белова	17
Кто выпустил собак?	19
Рохи сафед, маймун!	21
Один патрон – один душман	26
Райский уголок	28
Басмач	31
Слаще банджа в кальяне моем...	34
Алмазный крест	38
Дар Папаясса	41
Последний легион империи	44
А наутро рано вызвали в отдел...	46
Картограф	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алескендер Рамазанов

Война затишья не любит

Курьер загулял Порт-Ветровск. Черный камень, август 2001 года

Старик был опасен, как черный скорпион в мае. Лысый, морщин, что на черепашьей шее, а мышцы играют, видно, на веслах накачался. Мода (он же по паспорту Модников Василий Митрофанович) усмехнулся, вспомнив инструкции московского фраера, безопасника: «Дед там один отставник рыбой промышляет. Погранцы его не трогают, ментам он тоже не помеха. Это неважно... Тебе одно – посылочку отдать, ответ получить и доставить. Возможно, в поезде встретим, но уже ближе к Саратову. Дашь знать, в каком вагоне, место, а путь – прямой, до Москвы».

О компании «Тетаконс», неплохо платившей курьерам, а именно возможность заработать в итоге привела его в Порт-Ветровск, Мода узнал прошлым летом на окраине Серпухова. Здесь, в черном, кособоком домишке, его братан афганский – Сайга погибался на глазах от какого-то злостного, неизлечимого гепатита.

У обоих за плечами начало Афгана – зима 1980-го. Вошли: Сайгаков в декабре, с 56-й десантно-штурмовой бригадой, а Мода в середине февраля с 201-й мотострелковой дивизией. В Кундузе, на майдоне – так афганцы называли местный аэропорт, свиделись серпуховские кореша. Был май восьмидесятого – время, когда выяснилось, что врагов у «инкилоби саур» – апрельской революции – куда больше, чем друзей, как в самом Афганистане, так и за его пределами. Радостно было встретить земляка и одноклассника...

За месяц до кончины объявился бедолага. Об одном просил – присмотреть за ним, похоронить. То, что Сайга домик отписал ему за неимением родственников, вполне окупало все хлопоты. Да и какие они были? Постель сменить, покормить раз в день, да «черняшки» горюшину под язык. Не брали Сайгу все эти ампулы и капсулы. Да и лепила участковый встал на дыбы – давай, дескать, в больничку, там уколут. А вот койки больничной Сайга боялся пуще смерти. Нормально, кстати, отходил: май в разгаре, яблоня под окном не хуже невесты. Глядя на нее, и затих Сайга. Правда, перед смертью жарко нес околесицу про какие-то «золотобактерии». Мол, они всему виной и его сгубили. Ну, это в помрачении. Пятерик-то ему навесили за иное. Вздумал с таджикской кодлой связаться. Таджики же его и сдали прямо в Чкаловске, на таможне. Мода этого дела не одобрял. «Ширин баян» не признавал, не нюхал всякой гадости. «Черняшка», и то если полечиться, ну, пыхнуть изредка, для дела, со стоящим человеком – не более! Он по другим делам мастак...

Думалось обо всем этом Моду в песчаной ложбинке, откуда он битый час наблюдал в пятнистый южнокорейский бинокль за домиком Скорпиона. Такое погоняло он мысленно дал старику с первой минуты знакомства. В этой же ложбинке, неделю назад, Мода припрятал подлинный паспорт, «сквознячок» – стилет, с которым неохотно расставался, и пистолет «ПМ». Дерьмовая пушка, название только, а так китайский ширпотреб. Но для одного раза сойдет.

В принципе дело было закончено. Неделю Мода изображал приехавшего на Каспий порыбачить, позагорать дальнего родственника старика. На этот случай, для возможных проверок, имелась вполне приличная ксива с тверской пропиской. Но все обошлось – к Скорпиону никто особо не совался. Деньги и незатейливый брелок с крышечкой он передал старику в первый же день. Правда, озадачило Моду то, как старик с «кирпичиков» зеленых обертку снял, но не

считал, а подбросил каждый на коричневой ладони и кивнул, мол, без обмана. Какой уж тут обман – сорок штук баксов. И посылочку ответную Мода видел – термос двухлитровый. О нем тоже условлено было. Дескать, перед отъездом нальет в него хозяин чаю. Жми на клапан, пей, но крышку не отворачивай ни при каком раскладе. Это Моде было знакомо: портфель из рук не выпускать, сумку не открывать, эту коробку конфет не вскрывать. Дураку ясно – рванет, уничтожая и товар, и тебя заодно.

Билеты Мода взял без проблем – вложил зеленый полтинник в паспорт, и нижняя полка в середине купейного вагона нашлась моментально, несмотря на сухое предупреждение, что мест на фирменный поезд «Дадастан» нет. На грязненькой привокзальной площади его поразила вид огромной конной статуи. Собственно, не самой статуи, а факт того, что у коня как-то странно выделялось причинное место. Будто прилепили его отдельно. Забыли, а потом приделали, чтобы не сидел богатырь или герой революционный на кобыле.

Километрах в двух от того места, где залег Мода, за клубилось облачко. К берегу по песчаному проселку шла машина. Мода вжался поглубже, пригнул голову, подождав, пока неожиданная помеха прокатит мимо. Краем глаза рассмотрел джип с мигалкой. И не ошибся в предположениях – внедорожник лихо крутанулся у домика.

Мода протер оранжевые стекла объективов. Вот и Скорпион вылез. Обнялся с мужем, вышедшим из машины, показал рукой на дом. Торопится гость. Так... Мода чертыхнулся. Показалось ему, что старик секунду, не более, смотрел на него прямо и сурово. Нет, повернулся и заслонил собой гостя. Что уж тот передал, Мода, естественно, не увидел, разве что заметил согнутый локоть и уже знакомое движение при взвешивании денег на руке.

«Ни фиги себе, что же это они баксы старому пню пачками ташат?» Пустая, конечно, мысль, Мода это понимал, ведь не увидел же ничего. Но пустая мысль почему-то подкрепила ту идею, ради которой курьер изнывал сейчас под дадастанским солнцем.

Задумка была несложная – старика по-тихому убрать, баксы вернуть «на базу», и не только те, что старик унес в лодочный сарайчик – это Мода засек сразу, чуяло сердце, там, за убогой дверцей, покруче дела! Оттуда дед и термос вынес. Да еще углядел Мода, что в домике света нет, а за сарайчиком, под куском клеенки, небольшой японский генератор стоит. А дальше... Ну замкнуло проводку в сарайчике, угорел-сгорел старик со всем добром... Конечно, посылку нужно отдать, лишний наворот ни к чему, а вот убийство Скорпиона – его еще доказать надо. Фраера, они и есть фраера!

Бинокль в песок. Стилет к ноге. Патрон в ствол и пушку за пояс. Дерзок был Мода. Может быть, потому и везло, что, приняв решение, уже не отступал и не раздумывал, напролом шел. И не насторожило его отсутствие старика... Позвал у сарайчика:

– Дед, ты где?

Тихо. Тем лучше: шмон суеты не любит.

Шагнул в полумрак, осторожно придерживая дверь. Разглядел полку с книгами, компьютер. Шкафчик железный – пенал. С него начать? А за спиной:

– Только не дергайся. Медленно. Руки за голову.

Застыл Мода, глупо кивнул своему тусклому отражению на экране монитора, а потом, стремительно осев, крутанулся и с пола выстрелил на голос. Только вот выстрела своего он не слышал. Оглушительно лопнуло в голове – и все. Ни чувств, ни мыслей.

Старик выдвинулся из узенькой каморки (оттуда и окликал гостя, защищенный стенкой из шпал), подержал на прицеле подрагивающее тело... Несильно выбил ногой пистолет, поставил оружие на предохранитель. Уселся на край топчана, закурил и, словно мог его слышать Мода, пробубнил:

– Хайло неученое. Разбаловались. Команды и то выполнить не может. Тащи его теперь на ночь глядя.

Присев, старик приподнял мертвецу веко, без всяких эмоций посмотрел на «кошачий зрачок», потом отстегнул поясную сумку Моды и хладнокровно приступил к обыску. Было, правда, одно обстоятельство, заставившее чуть дрогнуть сухие мускулистые руки, срезавшие с Моды рубашку. Синела татуировка на левом плече неудачливого грабителя: контур автоматного патрона, в нем короткое слово «AFGAN» и ниже «201 мсд.» После короткого раздумья старик концом стилета глубокими надрезами заштриховал наколку, не смущаясь сочащейся черной крови.

«Добрый день... «Тетаконс»? Я верно позвонил?.. Девушка, моя фамилия Модников. Соедините меня с Самко. Да, начальником ПЭУ. Он ждет моего звонка... Повторяю по слогам: Мод-ни-ков Василий Митрофанович. Спасибо... Здравствуйте, Яков Семеныч. Какие игры? Где? Думаю, загулял ваш парень... Крепко загулял. Море, девчата... Вот и мобильник бросил... Да все в силе... Не торопитесь, не ругайтесь. На днях свидимся, обсудим: у кого крыша раньше съехала, у него или... Нет. Не беспокойтесь. Сам найду».

Бас-халас! Этот телефон больше не зазвонит. Чип в печурку. Аппарат в море вместе с владельцем... Бывшим.

Ночной Каспий мерно покачивает лодку. Интересная лодка, приметная, весело-расписная, широкая. И название чудное – «Беременная русалка». Легко приподнял старик над бортом черный куль и без плеска опустил в море.

В свой последний путь Мода ушел вполне торжественно. Тихая, маслянисто-черная вода Каспия спустила его по пологой спирали на чистое песчаное дно. Правда, через неделю изъеденный, обезглавленный труп выбросило на отмель у старой лесопилки. И вслед за рыбами над останками поработали вонючие лисы-корсаки и огромные печальные вороны.

Седьмая гробница

Проклятая шинель... Старый чапан и то греет лучше, чем этот сизый балахон с якорями на смешных пуговицах. Джагуран говорил, что это – старая немецкая одежда и ей уже тридцать пять лет. Врет, наверное. Сукно еще крепкое...

Омши-теппа – нечистое место. Грязь, ямы... Что тут охранять? Могилы старые? От кого? Смену третий день не привозят... Колдовское место Омши-теппа. Старики говорили, что в давние времена здесь из-под земли била вода, смешанная с золотым песком. Золотые барханы и скелеты людей, лошадей и верблюдов окружали родник. И охраняли золото Омши-теппа огромные муравьи с собачьими головами. Они разрывали на куски всех, кто посягал на их сокровищницу, догоняли аргамаков и беговых верблюдов. Но человек хитрее муравья! Когда наступала чилля – сорок дней неимоверной жары, в полдень муравьи, как и все живое в пустыне, прятались в свои норы. В это время удавалось набить хурджины золотым песком. Хитрость состояла в том, чтобы погрузить золото на двух верблюдов или на двух лошадей. Когда муравьи настигали вора, запасную лошадь бросали как приманку. Но если на ней не было золотого песка, чудовища продолжали гнаться за похитителем и разрывали его. Их вел запах золота.

Урчание грузовика прервало ленивый ход мыслей афганского резервиста Хайр-Мамада. Смена! Конечно, привезли еду, а может быть, и долгожданный приказ сдать оружие и обмундирование и разъехаться по домам. Забирали ведь на два месяца, а уже – четвертый на исходе. В Шиборгане, конечно, можно служить, город все же, но месяц в Омши-теппа – длиннее года.

В палатке было тепло, пахло свежими лепешками, на дастархане – большое блюдо с рисом, бананы, миски с ломтями жареной баранины. В дальнем углу джагуран склонился над картой с незнакомым Хайр-Мамаду офицером.

– Благодарите Аллаха, поешьте как следует, предстоит неблизкий путь. Выполним приказ, а потом в Мазари-Шариф и все – окончена ваша служба. Без моего разрешения из палатки не выходить, – голос старшего капитана звучал ровно, но показалось Хайр-Мамаду, что нервничает джагуран. И хотя никто не посмел бы нарушить приказ командира, у входа в палатку встал незнакомец в офицерской форме без знаков различия.

Ели молча, и только Халиль, тощий, как жердь, араб, бросил невзначай:

– А там, в грузовике, еще люди есть...

Это было понятно и без его хабара, за брезентовой стенкой слышны были сначала торопливые шаги, затем громоуханье деревянных коробок. Потом грузовик укатил к траншеям.

С места снялись к вечеру. Джагуран оставил в палатке Алаутдина и с ним одного из прибывших людей – крепкого бородатого пуштуна в зеленой куртке. Хайр-Мамад как-то приценивался к такой же в Шибаргане, но когда дукандор сказал ему, сколько стоит этот «джекет-филд», охота купить куртку отпала. Две с половиной тысячи афгани! Да за такие деньги с ног до головы одеться можно!

Выбрались на шоссе, мощная «Йокогама» набрала скорость. Хайр-Мамад зажал между коленей карабин и задремал... Что может сниться афганскому сарбозу? То же, что и всем солдатам мира, когда они сыты... Но короткий был сон – грузовик закачало, в желтом свете закрубилось облако песчинок.

Путешествие закончилось у развалин, заметенных песком. И вновь старший капитан приказал караульным сидеть в кузове. Точно, как и в палатке, остался с ними один из незнакомцев – остальные выгрузили два ящика из-под снарядов и скрылись с ними за дувалом. Не очень это нравилось Хайр-Мамаду, но что поделаешь? Лучше закрыть глаза и попробовать задремать. Внезапно по глазам резанули лучи мощных фонарей, а за ними из темноты послышался голос старшего капитана:

– Не вставать. Оружие положить на пол. Сидеть!

Карабины собрал незнакомец, тот, что оставался в кузове, а потом погасли фонари и опешивших резервистов сбили поближе к кабине те, что выносили ящики, злые, разгоряченные, будто окопы рыли. А самое плохое, что, усевшись, положили свои автоматы на колени и держали их так, будто сейчас последует команда «Огонь!». Проклятие Омши-тепа, похоже, сбывалось наяву.

На этот раз двигались недолго. Три-четыре минуты. И даже сквозь рокот двигателя был слышен далекий гром. «Что за гром зимой? – тоскливо подумал Хайр-Мамад. – Какая страшная ночь. Великий, Всемогущий – спаси меня от этих людей. От них пахнет смертью, как от муравьев с собачьими головами».

Незнакомцы прикладами и пинками вытолкнули резервистов из кузова, окружили, держа автоматы наперевес. Напрасно Хайр-Мамад пытался в кромешной тьме увидеть старшего капитана. У кабины заплясали лучи фонариков, как будто там что-то искали... А затем произошло невероятное – раздался негромкий хлопок и в черном небе повисла красно-желтая лампа, ронявшая куски огня. Цвета гноя свет разлился вокруг. И понял, увидев лица незнакомцев, Хайр-Мамад, что умереть придется здесь, в глухой пустыне, без молитвы, стоя на коленях, получив пулю в затылок... Но смерть обошла его – басовито завыл огненный джинн, а потом точно и безжалостно ударил его в грудь, казалось ломая кости, разрывая сердце...

– Ну ты подумай, может быть, еще что-то было? Кричали, стреляли в вашу сторону? Ведь дело международное... Ну вот кто поверит твоему сочинению? – Раздраженные реплики принадлежали начальнику особого отдела десантно-штурмовой бригады, полному одышливому блондину. И были обращены к понурому старшему лейтенанту. Обвисшие казацкие усы лейтенанта еще больше подчеркивали его тоскливый вид.

– Вот, ты пишешь... Ага... Примерно в девятнадцать часов к северо-западу от места расположения батареи боевое охранение услышало звук двигателя грузовой машины... Около двадцати часов вторично поступил доклад, что грузовик приближается к батарее... Так... Это неважно... Я приказал осветить прилегающую местность и лично увидел, как группа вооруженных лиц в форме Вооруженных сил Демократической Республики Афганистан (ВС ДРА) готовится к нападению. Я дал команду на предупредительный выстрел.

Старший лейтенант заерзал. Действительно, вместо одной мины в грузовик до умопомрачения точно спланировала полная загрузка лотка кассетного миномета «Василек». Ну тут уж командир расчета виноват, молодой. Со страху влупил, наверное... Но это ли нужно сероглазому особисту майору? И про то, что через секунду из всех калибров палили в кромешную тьму, он знает, и что утром вылазка была... Ну трофеи собрали, не валяться же оружию... Зато вовремя доложили и все предъявили...

– Нет. Не хочешь ты сотрудничать, артиллерист, – вдруг просто и весело сказал майор. – Отдам я твой опус в прокуратуру. И еще кое-что отдам, смотри. – Из плотного конверта на стол скользнули часы «Сейко-5», два массивных золотых кольца и обойма, набитая тупоконечными никелированными патронами. – Вот это и отдам. И объяснительные твоих «бойчишек» по поводу вчерашней пальбы. Они тебя и сдали. Вот этим уставом, – майор приподнял увесистый том, – по голове настучал одному-другому и выколотил добровольное признание. А ты думал как? Они десантурой станут еще не скоро. Так вот, пистолетик, под эти патрончики, через полчаса – на стол. Металл желтый – сюда же. И молчать – дело, повторяю, международное...

Жалко было отдавать отделанную перламутром, изящную «Астру», обидно было переписывать рапорт, подчеркивая, что решение на бой было принято начопером, а разведка проведена под руководством особиста, но что поделаешь – своя голова дороже...

Девять трупов, обугленных, изорванных разрывами прямого попадания, посеченных осколками. Был и десятый, раненый. Крупные капли темно-красной крови вели в заросли

камыша, к реке. Туда старший лейтенант Евдощенко утром 28 декабря 1979 года сунуться побоялся – заросли, болото!

А день был замечательный – первый день пребывания ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан. Железные птицы в небе, железные змеи на дорогах, ведущих от Кушки, Термеза, Нижнего Пянджа и Ишкашима в глубь Афганистана. Не привыкать! Не такие контингенты перемалывали эти клыкастые горы и мертвящие душу пустыни. «Вратами Индии» называли ее одни, «Вратами мира» – другие. И гибли «при дверях», понимая в последний час: Афганистан – страна пуштунов, и они никогда не отдадут ключей от своего рая... Впрочем, на что обижаться? Начопер был представлен к Красной Звезде, особист к «звезде шерифа» – ордену «За службу Родине в ВС СССР» III степени, Евдощенко заслуженно получил медаль «За отвагу», а чертов командир расчета, который все это заварил, – медаль «За боевые заслуги». Военный люд нельзя обходить наградами. Чем хотите – можно! А вот наградами – не следует.

По смолянскому шоссе от Шибаргана на Мазари-Шариф несется серо-зеленый военный «уазик». У водителя автомат под рукой, у офицера – автомат на коленях. Ученые! Уже магазины спарены, смотаны синей изолентой, и граната на поясе с запалом, но главное оружие – скорость. Проскочить нужно от Актепа до Балха, грязного поселка перед Мазари-Шарифом. Надо было все же дожидаться выхода колонны... Но «хорошая мысль приходит опосля»! Дымка висит над дорогой, горьковатый запах ее пробивается и в кабину.

Перед Кукрином потянулся вплотную к шоссе оплывший дувал – забор из серой комковатой глины. Опасное место. Что там мелькнуло в разломе, сообразить уже не довелось. Вздрыгнул «уазик» и перевернулся в воздухе, разламываясь на части... Ожило пустынное до взрыва шоссе. Худые, смуглые люди в черно-блеклых широких одеждах споро двинулись к груде дымящегося металла. Молча стали копаться у изуродованных тел. Без суеты собирали разлетевшиеся бумаги, выворачивали карманы в поисках документов. Затем сфотографировались, с победным видом позируя возле обломков машины, останков, у глубокой воронки. Один было наклонился с ножом над русой, залитой кровью головой солдата. Примерился отсечь ухо, но остановился под взглядом черных, жутковатых глаз командира. Так смотрят ненавидящие люди, им нужны живые враги. К трупам они равнодушны...

Пакистан. Кветта. Штаб-квартира партии Исламский фронт освобождения Афганистана (ИФОА). Благообразный, седобородый старец поглощен чтением. Перед ним на серебряном подносыке, дабы не осквернить стол, несколько листов с бурыми разводами, военный билет и синяя книжечка с гербом СССР, золотое кольцо с алым кабошоном. Камень влажно поблескивает. Сухой, узловатый палец нащупывает кнопку звонка. В полупоклоне, прижав руки к груди, застывает у дверей юноша в белой кружевной шапочке. Взгляд старца направлен на побуревшие листочки:

– Кто переводил? Абдаллах? Пригласите его сюда. И пусть никто не мешает. Отключите телефон.

Переводчик волнуется – духовный лидер партии, многотимый улем и профессор, уверен в особой важности заметок, найденных в записной книжке убитого кяфира. «...илла... пе... пой обн... в Ом. т. 4 янв... Караулка сгор... Остан... Пуговицы нем. – вермахт (резерв?). Пулевое отв... в затылке. Ожог. Грузовик. Сл... протект. Остановка у караул. Ост. у 7гр. Следы 7–8 чел. Отпеч. 2 ящ. Гробница вскр... Осколки керамики. На глуб. 5–8 см – перст. желт. мет. Камень – красн... не обнар. Груз. «Йокогама» 4.01.80. прим. 18.00 пов. За к. Кашгузар (напр. Айвадж?). Отм. 503».

– Все так ли, Абдаллах?

– Возможно, шифр, господин. Я в шифрах не силен, – опускает голову переводчик. – Например, кяфир употребляет имя Всемогущего? Или единицу электрического сопротивления? Я не понимаю смысла, но перевод точен, сахиб.

– Хорошо. Твои знания очень помогли нашему делу. Я доволен тобой. Будь так же усерден и впредь. Записи эти составляют тайну. Надо ли тебе объяснять? Иди, сынок, благодарю...

Неведение твое спасло тебя, Абдаллах. Как там в Писании: «Многие мудрости – многие печали». Не Всевышнего упоминал кяфир. Тилля-теппа – Золотой курган, Омши-теппа – вот что их интересовало... Золото Бактрии.

Через два дня в кабинете профессора собралась верхушка ИФОА. Глава партии был озабочен:

– Судьба золота Тиля-теппа вам известна. Безбожное правительство Амина наложило на него свою руку. Наши друзья не допустили вывоза сокровищ из страны. Теперь они в еще более грязных лапах – у пьяницы и палача Бабрака. Но то, что лежит в запасниках Национальной галереи, – под нашим контролем. Седьмую, нескрытую гробницу охраняли, и там был наш человек. Теперь ни золота, ни нашего агента мы не можем найти. Опоздали! Вот что нам досталось, и то совершенно случайно – вот это кольцо. Нам известно, что грабители увезли с собой золото в двух ящиках. Что след ведет в пески Кача-кум. Думайте и предлагайте решения вопроса поиска. Могу сказать: пока сокровища седьмой гробницы на нашей земле. Через Таджикистан или Узбекистан они не проходили. Цена золота – цена нашей свободы. Десятая часть этих ящиков откроет нам любые двери, даст моджахедам лучшее оружие, спасет их семьи в лагерях беженцев. Позволит выжить и победить. Пусть поиск начнут наши сторонники в Балхе, Самангане и Кундузе. Да поможет им Бог – это будет опасное дело. Шурави переносят пограничные посты на нашу сторону...

...Изломанный безжалостными ударами взрывной волны, посеченный осколками, афганский резевист Хайр-Мамад уползал подальше в камыши от проклятого места, на которое обрушил свой гнев Аллах. Руки превратились в сплошную рану – смерть преследовала его. Что было лучше: погнубнуть сразу, как остальные стоявшие у грузовика, или мучаться здесь, в ледяной болотной жиже, еще несколько дней, а потом все одно... Повинуясь звериному чутью, он выполз на сухое место, локтями пригнул желтый тростник и с трудом достал медный коробок «Зиппо». Стоя на коленях, полами шинели Хайр-Мамад охватил тощий костерок, пытаясь согреться. Прозвучавший над головой окрик «Дриш!» показался ему мороком, но, подняв голову, он увидел черный зрачок автомата Калашникова.

– Я не могу стоять, сахиб. Не убивай... – попытался сказать Хайр-Мамад человеку в меховой шапке и толстой пятнистой куртке, но дыхание пресеклось, и бедный афганский резевист повалился грудью на тлеющие тростинки.

Линии судьбы

Цыган Алешка Астманов не любил. Не вообще к ромалам испытывал неприязнь, а к тем приставучим теткам, что «дай, золотой, я тебе погадаю». Что-то было в них тревожное, проникающее в душу, в такие тайники, куда и самому лезть стыдно. Как-то, еще в восьмом классе, болтаясь по городскому саду Порт-Ветровска, Алешка и его закадычный дружок Вовка Данилов попали в кольцо таких вот жриц судьбы. Алешка напрягся, руки в карманы, взгляд в сторону и вверх, но дружок уговорил. Прямо зуд какой-то у Вовки был, чтобы обоим погадали. Вынул Алешка из кармана левую руку, не намеренно, просто был левшой. А цыганка посмотрела-посмотрела да и выдала, что и жизнь будет тяжелой, и любовь радости не принесет, и судьба бросать будет в разные края. И серьезно так говорила, да все в глаза посматривала. Алешка обиделся, руку вырвал и мысленно послал гадалку туда, откуда она на свет появилась. Вовкина очередь настала. Алешка же хоть и отошел подальше от цыганки, но слышал: «Женишься ты скоро, дорогой, жена красивая будет, счастье тебе будет, но есть у тебя враг тайный. Моложе тебя, волос у него русый, глаза серые, примета у него есть...» – И стала цыганка на ухо Вовке шептать, да на Алешку опять пару раз зыркнула. Отыгралась стерва, Алешкин портрет выдала: и волосы были русые, и глаза серые, и примета – левша. Вовка цыганке трояк сунул – по тем временам хорошие деньги, если пачка болгарских сигарет с фильтром тридцать пять копеек стоила. Но у Вовки деньги водились. Отчим его любил, деловой мужик, прораб.

Дело, конечно, давнее, середина шестидесятых, только после этого гадания разладилась дружба у ребят. Сама собой, без видимых причин. Вовка и впрямь через два года женился, только восемнадцать исполнилось, и жена: девочка – конфетка, из парфюмерного магазина. А судьба? Так если она есть, то не переделать, а если нет, то и спросу нет.

Ну, скажите на милость, что путного выйдет из детины, оставленного на второй год в девятом классе? По одной простой причине: делает только то, что ему нравится. Литература – «отлично», в знаках препинания и частях речи – ни в зуб ногой. Штангист-перворазрядник, рекордсмен республики среди юношей, а нет более заклятого врага у Алешки, чем учитель физкультуры. С химией – просто смех! Думали, что издевается: все изложит не по школьному курсу, любую лабораторную с закрытыми глазами выполнит, а простейшей задачки не решит. С физикой – аналогично. Может быть, всему виной математика? Ее Алешка и на двойку не знал. С языком – песня без слов! «Фауста» в оригинале осилил, а в школе по немецкому переекзаменовка. Учительниц, задерганных жизнью, рано обабившихся, такое «антипедагогическое явление» немало раздражало. Да тут еще «морда лица» свою роль сыграла: Алешка голову всегда держал чуть откинутой назад, а глаза в прищуре. «Он у вас высокомерный», – подвели черту педагоги, тем намекнув матери, что в десятый класс Алешке не переползти. Впрочем, дурь из него выколотили родственники отца, умершего еще в раннем Алешкином детстве. Суровые черные горцы нагрянули ночью, дали два часа на сборы – и на грузовике за Дербент. В глухом ауле Алешка и окончил десятый, в то время выпускной класс. А дальше – веселее. Вдруг поступил на ветеринарный факультет. Вдруг через полгода бросил институт. Поработал в рыбном порту грузчиком, а там и армия. Присягал Родине Алешка на краю пустыни Кызылкум, в песках за Красноводском под Боевым Знаменем 4-й радиотехнической бригады Бакинского округа ПВО. Служил, как все. На «ключе» не потянул, но радиомехаником на передающем центре стал неплохим и даже вырос за год до начальника смены.

Был один пункт у парня: где и когда было можно, с азиатами общался – языки учил. С Хамидовым – таджикский, с ефрейтором Гулалиевым – туркменский, с Джалаловым – узбекский. И к концу первого года службы на русском с ними уже не разговаривал. А тем – бальзам на сердце, пусть и укатывались вначале от его произношения. А тут еще выпала Алешке новая

служба, позволявшая почти бесконтрольно, на совесть, разумеется, вояжировать по Средней Азии. Вот как это было.

Решил Алешка связать судьбу с армией, подал рапорт в военно-политическое училище и по принадлежности к виду войск попал в военно-политическое училище войск ПВО страны. Что-то там не заладилось, и на стадии отбора его к экзаменам не допустили. А возвращаясь в часть, обнаружил Алешка пропажу продовольственного аттестата. Начальник штаба бригады, коему совершенно случайно под горячую руку попался горе-ефрейтор, объявил Алешке десять суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Но политотдел рассудил иначе: предложил ефрейтору Астманову послужить на должности инструктора по комсомольской работе. Начальник штаба публично матюгнулся, мол, я его на «губу», а они в штаб бригады! Дело в том, что в неполные двадцать лет Алешка стал членом коммунистической партии, а «коммунист в казарме» по тем временам явление было редкое и политотделом любовно взращиваемое. Нельзя молодого коммуниста на «губу»! К тому же аттестат прислали по военной почте.

Должность инструктора позволяла месяцами кататься по периферийным батальонам, отдельным радиолокационным ротам от Туркмении до Памира, в пограничной полосе с Ираном и Афганистаном. Вот тут уж было чем утолить «этнографическую» жажду. В политотделе махнули рукой – «ходок»! За страсть к поездкам в эти гиблые места Алешка расплачивался то пендинской язвой – кожным лейшманиозом, то малярией, было дело, желтуху на ногах перенес. Но свои обязанности выполнял исправно.

Слаще банджа в кальяне моем
Запах кожи твоей, Нигора.
Вот спадают одежды, и черные косы до пят
Слаще меда Кашгара в кальяне моем, Нигора...

– Вот, эти стишата я нашел на КП, у рядовой Старцовой, планшетистки. Автор известен, смотрите: Астманов. То, что они по пескам вечером прогуливаются, – это мне известно. А бандж, между прочим, опиум! Я у него потребовал все подобные творения, так он, нахал, сказал, что после окончательной редакции даст почитать. А вчера на вечерней прогулке ваш инструктор подбил писарей петь «Интернационал», между прочим, – язвительным тоном доложил начальнику политотдела полковнику Митарову замполит «придворного» батальона управления, в списках которого числился старший сержант Астманов. Митаров поднял на «комиссара» карие раскосые глаза и задумчиво спросил:

– Думаешь, майор, он сам это написал? Если сам – неплохо. А вот то, что он удумал партийный гимн на вечерней прогулке петь с писарями, так за это накажем! – Митаров пятый год писал обстоятельный роман о башкирах и казаках в годы гражданской войны...

Завершал срочную службу старший сержант Астманов в пустыне под Кизил-Арватом. Километрах в двадцати от этого сурового города, правдиво рифмующегося со словом «ад», в песках залег отдельный радиолокационный батальон. Здесь устроили курсы по программе подготовки офицеров запаса и собрали солдат, имеющих высшее образование. «Студенты» в то время служили по году. Для Алешки же в политотделе откопали приказ, который позволял приобщиться к корпусу запасников лицам, имеющим среднее образование и состоящим на старшинских должностях. Была такая мысль у политических – оставить Астманова сверхсрочником, а затем, по присвоении первичного офицерского звания, направить в периферийный батальон секретарем комсомольской организации – в кызылкумской дыре своих «дырок» в штатах хватало! Но судьба распорядилась иначе. Курсы Алешка закончил со скандалом – в последнюю неделю перед выпуском, ночью, ушел в пустыню, а вытащили его с поисковой группой, полудохлого, через три дня. Нашли с помощью древнего туркмена, за которым утвердилась недобрая слава бывшего басмача и контрабандиста. Знали, Астманов к нему заходил,

якобы фольклор изучать. Тот сразу направление показал, на карте – русло соленой речушки и, километрах в двадцати, квадратик одиночного строения.

– Уллу-Кала. Старый крепость, – буркнул бабай, – там ваш аскер.

У особиста, прибывшего по такому случаю, сразу сомнение зародилось, что без этого антисоветского деда здесь не обошлось. И тем более дело подозрительно выглядело, что старый басмач, через патрульного, передал для Алешки дурно пахнущую черную мазь, когда того, покрытого волдырями от солнечных ожогов, доставили в батальон. Но гроза прошла стороной – Алешкин призыв уже уволился. Приказали и его дембельнуть от греха подальше.

К «Самеду Вургуну» – парому, курсирующему между Красноводском и Баку, – Алешку доставил лично заместитель начальника политотдела. До тех пор пока не убрали сходни, сидел в «уазике». Боялся, видно, еще одного похода, а может быть, и того, что собьет Алешка с пути истинного планшетистку Старцову. Ну, была, допустим, у Алешки такая мысль. Что же тут крамольного, если двадцать один год, если Дух пустыни подарил ему у красного бархана память о том, как пахнет девичья кожа в песках на закате солнца...

У Алешки солдатский вещмешок с книгами (химия, биология, физика, справочники, учебник арабского языка Сегалия, словари персидский и турецкий). На нем выгоревшая добела тропическая форма. В нагрудном кармане, в блокнотике, странный документ – узенькая полоска бумаги, где значится: «Временное удостоверение офицера запаса». В графе «воинское звание» военно-писарским рондо начертано – «без звания».

Особист, который с Алешкой по душам беседовал (зачем на Уллу-Кала пошел? Не было ли намерения к иранской границе пробраться?), к тощенькому делу приложил листок из записной книжки, где были указаны ориентиры подхода к крепости и косо сползали две малопонятные строчки: «...безумие, не трогай моей жажды,/ пусть даже я пустыню полюбил».

Астманов учится, пишет стихи, женится, занимается научной работой, вновь призывается в армию на два года, уже как офицер запаса – и это все судьба? Нет, это медленное, окольное движение к ней. Дьявольски силен Дух пустыни. И то правда, что неторопливы его мускулистые темные руки. Замечали, как плавно падают кости в руках опытного игрока? И кажется, что все люди равны перед очередностью и вероятностью события, но вот один проигрывается в пух и прах, и так – всегда, а другой богатеет на глазах.

На первый взгляд ничего общего между двумя событиями: весной 1969 года рядовой Астманов растаптывает сапоги в пустыне Кызылкум и в это же время в Афганистане у античного городища Омши-теппа обустраивается летний лагерь советско-афганской археологической экспедиции. Не торопитесь с выводами! В утренней тишине встаньте на знакомом вам много лет клочке земли, постарайтесь избавиться от суетных мыслей, хотя бы на минуту. Подумайте, сколько страстей кипело здесь, и все они были поглощены этой землей. Мы ее топчем или она нас терпит некоторое время, отпущенное не ею ли самой?

Нет, не прерывается цепь событий. Алешка становится солдатом на тех древних рубежах, откуда ворвались в сказочную Бактрию кочевники – тохары. А экспедиция снимает первые пласты серой глины над сердцем Бактрии – Тилля-теппа, над усыпальницей владык тысячелетней Бактрийско-Кушанской империи. Нет, не произвольна эта связь. Человек более случаен, чем события, происходящие вокруг него...

История мидян

«История мидян. Начало истории мидян. История мидян темна и непонятна. Конец истории мидян». Это из русской устной классики. Как ни странно, автор «краткого курса истории мидян» – талантливый рассказчик Горбунов оказался прав: темна история мидян. Загадочны, как и прежде, Бактрия и Согдиана. Под толщей ила и песка погребен тысячелетний Кушан. Руины величия и осколки древней роскоши не могут воссоздать истинной картины. Пусть же добавят в историю свое, пророчески бессвязное, памирские пиры – учителя и хранители сокровищ и тайных знаний. Избранным рассказывают они...

«Ариана – так называлась их страна. Ариями они именовали себя и дали начало многим народам и оставили память о себе в обычаях и языках, существующих ныне. Были среди них и другие племена, покоренные не силой оружия, а тем, что арии владели многими знаниями и могли пустыню обратить в райский сад.

Что влекло их от восхода на закат солнца, про это не знал никто. Медленно, но уверенно шли эти русые, голубоглазые люди к реке времен, именуемой теперь Оксу. Но есть у нее иное имя – Джайхун, бесноватая.

Иные племена перед их лицом были детьми. Дети желают знать и впитывают знание на горе или на радость. Владеющие истиной – стараются избавиться от тайн и стать детьми. Арии старались очиститься от знаний, но и то, что умели и помнили их потомки, рожденные в пути, было для других народов божественным и непостижимым.

Наши предки, хранившие тень знаний Арьяны, собираясь вместе, объединяя дух, могли дробить скалы и заставляли их обломки плыть по воздуху к подножиям храмов. Арии это делали в одиночку.

Нет их могил на нашей земле – арии предавали своих мертвых огню. В этом огне песок и камень обращались в пар, а что было близко, растекалось, подобно смоле в жаркий день. Сурью – священный напиток – пили они и были стойки духом, сильны телом.

Что было дальше – смотри на мир. Арии – Млечный Путь земли. И только Меч Востока единожды рассек этот путь, но ведь и стал служить потомкам великого народа.

Дух Ариев возвал нас к жизни. Когда ушли избранные на зимний закат, внуки их крови основали города от Шамбалы до Джейхуна, от Памира до Кавказа. И время, а может быть, нечто иное, стирало память об общих предках и единых учителях.

Две тысячи лет назад это было. Свободные, мы стали лишать свободы слабых. Арии не знали рабства. Наши предки нарушили этот закон. Не потому ли прошлое наше – цепь сомнений и страданий?

Пути мира сходились в наших долинах. Бах-т-ария именовалась наша земля. Часть своей цветущей души здесь оставили арии, потому так и называлась она.

Есть богатство, о котором помнят, и счет ему есть. Но есть без меры. И это путь к страданиям. Мидяне покорили нас, но золото мидян осталось с нами. Могучий Ахма-манид стал нашим правителем, но умножилось наше сокровище. Дань мы платили великому Киру, но его слава померкла в наших пределах.

Будто с неба сошедший, царь и сын царя Искандар-Зулькарнаин возложил свою длань на Бах-т-арию и умножил ее славу на двенадцать городов и двадцать крепостей. Как молния блеснул Двурогий, и вот уже вся слава Селевка и его сыновей здесь нашла последний приют.

Эллины, жизнью кипящие, свою новую родину обрели здесь. Мудрый и храбрый Диодот раздвинул наши пределы до Мерва и Герата. Но золото свое эллинские цари хранили в сердце Бах-т-арии.

Безжалостной бурей ворвались тохары. Теперь от них осталось имя глухой провинции, кому и что оно скажет? Но род Кушан прославил Бах-т-арию от Индии до Гирканского моря.

Смерть находят сыновья века в храмах Бах-т-арии. Золотом выстилали предки подножия храмов, золотом засыпали мертвых, как символом вечного огня. Но то, что влекло сюда потомков ариев, спрятано навсегда... Дух пустыни дразнит и манит на погибель. И сводят с ума золотые колесницы, алмазные стрелы, мечи с клинками, подобными солнечному лучу, лодки, разрезающие скалы...»

Дневник полковника Белова

«15.1.88. Кабул. Что вообще известно об этом чертовом золоте, кроме слухов о вывозе контейнеров за речку зимой 1979 г.? Где были раритеты: в Даруламани, в Нац. Галерее или в Нацбанке? Если первое, то понятно, что уплыли...

30.1.88. Позиции по бактр. артефактам:

1969 г. – совместная советско-афганская экспедиция. Объект – городище Омши-тепа, античность. Руководитель проф. В. Сарианиди. Установлено, что холм Тилля-тепа – руины крепости и храма.

1978 г. – Десять лет поисков?! Троя! Первые золотые предметы. Много неточностей. Кто говорит о том, что золото было найдено рабочим-афганцем, кто вспоминает, что захоронение зацепил экскаватор, рядом проходила трасса газопровода. Это непринципиально, но хорошо бы знать, были рядом археологи или утечка произошла сразу? Кстати, дата «плавает» от ноября 1977-го по декабрь 1978-го.

Верна ли цифра – двадцать тысяч золотых предметов? Короны, жемчуг, пуговицы, чаши, фалеры, бусы. Пробитые золотые сосуды – часть обряда разрушения останков или следы щупов? Семь гробниц. Есть сведения о шести. Что помешало вскрыть седьмое захоронение?

Коллекция Кеннингема (Британский музей) из этих мест. Здесь правда только то, что «инглиз» скупил больше сотни золотых изделий у кочевников (!) в Балхе и Самангане на летних вежах (1880–1882).

Хигучи? Журнал «Арс буддика» № 137. По чьему приглашению и где японец снимал золото Бактрии. Почти каталог! Почему отрицают приезд японца и фотосъемку?

22.5.1989. На ОКСВА повесили вывоз сокровищ Бактрии! По основным радиоканалам прошла информация со ссылкой на «Монд», «Стампа» о вывозе бактрийского золота под охраной 40 ОА. Надо знать афганцев и Наджиба – ни грамма они нам не дадут, как не дали и раньше. Но эффектно – приберегли под вывод войск.

28.10.1993. Известия о работе французских археологов в Кабуле подтверждаются. Фотографий нет, но к коллекции были допущены по личному указанию Масуда. Сведений о работе в Омши-тепа – нет...

30.11 1999. Вновь поднят вопрос о коллекции. «Сов. Секретно» опубликовало историю золота с 1969 г. Там же открытое письмо В. Сарианиди: «...В 1978 году совместная советско-афганская археологическая экспедиция Академии наук СССР открыла в Афганистане царский некрополь, относящийся к рубежу нашей эры. Вот уже более 20 лет прошло с момента открытия золота Бактрии, но так и не был выпущен полный каталог всех найденных драгоценностей с подробным описанием каждой вещи на русском языке. К сожалению, в настоящее время неизвестно, где хранятся найденные сокровища. Но сохранились фотографии, которые могут служить научным материалом для исследователей и напоминанием об очередной утрате, понесенной наукой...», интересно вот это – «с подробным описанием каждой вещи на русском языке». Что-то не договаривает профессор....

Узловатые пальцы неспешно листают пухлый еженедельник с силуэтом Адмиралтейства на потертой коже. Нет в живых автора дневника. Доктор исторических наук полковник Георгий Белов погиб в Балканах при весьма загадочных обстоятельствах в 2002 году. А дневнику самое место здесь, в тайничке у его первого командира. Предупреждал ведь, будь ты осторожней со своей публицистикой. Сжечь бы и эти записи, да не поднимается рука. Помнится, как пришел лейтенант в шитых сапогах: голенища – бутылочки, фуражка – аэродром. Но благородный пушту знал и дух боевой имел – этого не отнять. Школа! Военный Краснознаменный институт Минобороны, легендарный ВИЯ. В опасности, бывало, как бурак краснел, наливался кровью – это признак бойца. Ну, Сергей, тебе, воину, точно царствие небесное, а тут еще крест нести.

А грехов-то... Вот и этот «братан» Мода угольков добавил. Как это он сказал: «Скорпион...» А мое прозвище Касед, Ходоком назвали хорошие люди...

А вот уже и не старик. Сразу и не определишь: сорок пять—пятьдесят. Голова – бильярдный шар. Мало того, что лыс, так еще и сбрил «Евразию» на затылке. Бритый наголо – не примет, в Москве что только на головах не носят, хоть бандану повяжи – и в толпу. Бороду – долой, а вот усы, пожалуй, оставить надо, в пять минут снимаются, а вид – другой.

Неспешно собирается Ходок. В шахточку уложен ноутбук, пакет увесистый, обернутый плотной тканью сверху. Только вот торчит из ткани стерженок черный и медленно утопает под тяжестью крышки тайника. Теперь песочку и половичок сверху. Верхний сюрприз – это на всякий случай – так, ручки шаловливые пообрыдает. Основное глубоко лежит, но уж если рванет, будет долго в яме бушевать огонь неугасимый... Ну, все. Ага, вот и «няня» прибыла.

На приступки избушки неуклюже взбиралась чуть ли не ожившая скифская баба. Мощнозадая и пышногрудая тетка, а по цвету кожи сущая мулатка. Ай, неверно, нос-то греческий, да и волоокая. Нет таких мулаток в природе.

– Добрый день, Антоновна, спасение мое. Милость окажи – хатку посторожи. Надобно отлучиться. Дай я тебя поцелую! Вот так. А что раньше? Раньше ты на меня и не смотрела, Татьяна – принцесса морская. Вы, греки, только своих и признавали за женихов. Ну-ну, не ворчи. Все как прежде. Пятсот в день, премия по возвращении. Продуктов на две недели. Повторяю инструкцию. Твое дело живую душу здесь изображать да о погоде мне рассказывать, о гостях, если будут. Действуй по обстановке. А теперь давай за встречу да за удачу выпьем. Вот, гляди, «Багратион» твой любимый.

За полночь горел в избушке неяркий свет, мягко звенела гитара. А песни все были протяжные, будто зовущие. Русские и греческие. Все о море и несчастной любви, той, что не оставляет сил для жизни.

Рассвет застал подполковника Астманова на подходе к товарной станции Порт-Ветровска. Чем и хорош настоящий дадастанский коньяк – бодрость членам придает. Вечером стакан – утром три часа бодрой ходьбы – никакой «виагры» не надо. Как это говорил старший лейтенант Рябых: «Пешая ходьба укрепляет половые органы». Юморист! Даром, что был «комсомольцем» танкового полка – дефилировал по Белой Церкви в белом костюме, с длиннющей таксой на поводке. Черт-те что в голову лезет... Ну, потехе час, а теперь в Москву, в «Тетаконс». Выяснить, у кого «крыша поехала». В добрый путь, Касед!

Кто выпустил собак?

Для таких, как старший лейтенант Астманов, война – мать родна. Оба деда и отец оставили в наследство пашку, кинжал, горку боевых орденов и медалей. В семейном альбоме красуются – статные, в папах, буденовках, непременно при оружии и смотрят в глаза. А то, что не дожили до Алешкиного рождения, – это неважно. Отец ведь тоже ему завещание прошептал: «Учись, сынок...», когда сыну семи с половиной лет не было. Кино и книги – «война и немцы», через дорогу воинская часть. В школе с первого класса распевали песни исключительно времен Гражданской и Великой Отечественной. Раскрутите колесо вначале – дальше само обороты наберет. Врут, что нет вечного двигателя. Есть! И ось, на которой мир мирской крутится, тоже есть!

В двадцать восемь лет, казалось, ясна дорога. Красный диплом, целевая аспирантура. Нужно идти к ученой степени, утверждаться в институте, всерьез работать над стихами, думать о собственном доме. Ничего подобного – все брошено – здравствуй, Афган!

Кто пальцем у виска покрутил, кто вздохнул с облегчением. Только мать все поняла, сдержанно попросила быть осторожнее. Ей ли всего не понять – дочери, жене и матери солдата. Святая правда – материнская молитва о сыне перед Пресвятой Богородицей – стержень жизни на войне. Без укора сказано... Не всем дано, только матери. В отцовском Алешкином доме один образ в красном углу – Казанской Божьей Матери. Даром что отец был коммунист, да и по рождению – мусульманин.

Описывать, как Алексей Астманов влился в ряды воинов-интернационалистов, нет нужды. О предстоящем вводе войск в Афганистан он узнал еще в мае 1979-го. И нет тут никаких секретов. Была у Астманова мечта прорваться в Афганистан. Зачем? Об этом позже.

Подвернулся на вечеринке студент-иранец, жертва режима сурового аятоллы. На родине в Хамадане этот «студент» был специалистом по русской истории и функционером прокоммунистической партии «Туде». Едва ноги успел унести от небритых стражей исламской революции. Сошелся с ним Алешка просто: в изрядном подпитии политэмигрант, сверкая черными очами, спел очень печальную песню, посматривая на тайную Алешкину страсть Нателлу Таирову. Компании соло понравилось. Алешка же, не глядя на певца, тихо спросил на фарси:

– Хочешь, брат, подстрочник обеспечу, прямо здесь...

Хуршед, так звали иранца, моментально протрезвел и, забыв свои познания в русском языке, стал извиняться на фарси, прижимая руки к груди, насчет шалостей и вольностей персидских классиков... Вот с такого литературного казуса началась интернациональная дружба.

– Ваша армия войдет в Афганистан. Наведет порядок там, а потом и у нас. Амин – настоящий революционер. Тараки – слизняк. В Кабуле уже ваш полк, советники во всех гарнизонах... Ташкентских выпускников востфака в Кабул лейтенантами отправили. В Герате ваша разведка засветилась... На Пяндже рекогносцировки... В Шибаргане, на газопроводе, работы сворачиваются...

Не информированность иранца убедила Астманова отправиться в Афган, а то, как сияли его глаза. Смотрите в глаза детям Востока. На то они и дети – увлекут движением, одурманят запахом, обольстят словом, но глаза – их слабое место. Астманов подал рапорт об определении на действительную службу в кадры Министерства обороны.

С Хуршедом стоило бы еще переговорить – «тудешники» в Афгане сидели крепко, однако не пришлось, за иранцем пошли топтуны из местного КГБ. Явно из-за баловства с валютой. Астманову в поле их зрения попадать не хотелось. За доллары в те годы карали безжалостно – расстрельная статья, для совграждан, разумеется. Но перед самым отъездом Хуршеда успел все же взять у него адреса «истинных революционеров» в Герате, Мазари-Шарифе, Кундузе и, на всякий случай, в Кабуле, хотя интересовал его север Афганистана.

– Ты, Алиша, там смотри, не вступай с ними в споры по марксизму, они Троцкого уважают, Мао, команданте Че, – говорил, прощаясь, Хуршед. – А так ребята ничего, простые. Только вот, когда ваши придут – у них разлад начнется, как ни посмотри – интервенция. Тут, конечно, разные точки зрения есть. Я – за, к примеру. С севера вы, с запада тоже, с востока опять вы, а с юга Ирак, там мира не будет. Вот это ключ к перманентной революции.

Ну, спасибо, просветил! А что веселый да уверенный, так, видно, нашел общий язык с «куратором». Астманов не опасался, что персиянин засветит «конторе» его интерес к Афганистану. Есть у этого народа особенность: то, что скреплено деловыми отношениями (деньгами), – свято и нерушимо. Разумеется, пока эти отношения не ослабевают. Четыре червонца с профилем последнего императора Всея Руси, обмененные на риалы, и обещание продолжить выгодный для Хуршеда «ченч» – лучшая гарантия молчания. И то сказать – цена царскому червонцу, по тем временам, пятьсот рублей. А две тысячи – годовая «стипендия» студента-политэмигранта.

В конце сентября по предписанию Алексей убыл в Киев. Ввод войск в Афганистан застал его в Белой Церкви, в газете танковой дивизии. В конце зимы 1980 года корреспондент-организатор старший лейтенант Астманов, по его же просьбе, был направлен в распоряжение командующего Туркестанского военного округа, а 1 апреля вышел из серого «АН-26 Б» на стоянку аэропорта Кундуз. Все. Часы пошли. Чья рука толкнула маятник, неважно. «Но тот, кто держит руль моей судьбы, уж поднял парус». Вот «тот», он и завел пружину намного раньше до отказа. С него и спрос...

Рохи сафед, маймун!

Обычно офицеры, впервые прибывающие в Афганистан, вылетали в Кабул из аэропорта Тузель, расположенного на южной окраине Ташкента. В Кабульском аэропорту у рампы «Ил-76 МД», в просторечии «скотовоза», их встречали представители комендатуры и строем вели на пересылный пункт, расположенный на задах аэродрома. Далее следовали беседы в штабе 40-й армии, на честно завоеванном холме, во дворце Амина. Дворец, посеченный осколками и пулевыми очередями, производил грустное впечатление, но заставлял задумываться (гобелены, картины, резная мебель красного дерева, бронза) о том, что раньше в нем жилось неплохо. И только в Кабуле можно было окончательно узнать место своего назначения. И опять ждать рейс на Шиндант, Кундуз или еще куда назначено. В армии в «кадрах» решают все. Могли и должность новую предложить. Могли и в ТуркВО вернуть, даже с повышением. Отметился в Афгане и ладно, дальше служи Отечеству на самых южных рубежах. Это для тех, у кого по семейным обстоятельствам не складывалось или кто побаивался.

Астманов подобных вояжей избежал. Карта легла красиво. Полковник, заместитель редактора окружной газеты «Фрунзевец», предложил Алексею остаться в Ташкенте, кадров и здесь не хватало, но, убедившись, что старлей «в войну не наигрался», сказал со вздохом:

– Отсюда тоже можно ездить за речку каждый месяц. В среду в Кундуз на партконференцию с членом Военного Совета лечу, потом в Кабул. Тебя ведь в Кундуз определили? Чего тебе на пересылке торчать? Полетишь со мной.

Хороший попался человек. И фамилия боевая – Урсул.

Пока Астманов сидит на чемоданчике, в жидкой тени пинии, наблюдая за суетой аборигенов в аэропорту местного значения, пока он покуливает, выбирая наиболее подходящий объект для душевной беседы, самое время рассказать о герое подробнее. Как в старых добрых романах.

Астманову тридцать лет. Он худощав, выше среднего роста, походка пружинящая, танцующая. Особенность – если нужно посмотреть назад, поворачивается всем корпусом. Волчья шея – мощная, выдающая людей, занимавшихся борьбой или тяжелой атлетикой. Левша. Нос крупный, прямой, лоб высокий, шишковатый, кожа матово-смуглая, солнечный загар на нее ложится до черноты. Большие залысины на лбу и уже редет волос на макушке. Глаза голубовато-серые, почти всегда полуприкрыты веками – не поймешь, то ли дремлет, то ли кайфует.

Изрядно вынослив. Проходит в день без особых усилий по семьдесят километров. К тридцати годам любимые снаряды – перекладина, брусья, пружинные эспандеры и гимнастический каток. Абсолютный профан в игровых видах спорта, скверно плавает, хотя и у моря вырос. Но вот подтянуться, держась за доску кончиками больших и указательных пальцев, присесть на одной ноге раз пятьдесят – в этом ему соперников нет. Смешно, но Астманов не умеет толком ездить на велосипеде и не водит машину.

Прилично стреляет из пистолета, ловко управляет с ножом и другими колюще-режущими предметами, показывая, при необходимости, что гвоздь, тупой столовый ножичек или вычурную вилку можно превратить в надежное оружие. Кстати, первый свой пистолет, самопал, размером не более ладони, изготовил, учась в четвертом классе, и едва не применил его в уличной стычке. Выучившись на срочной службе снайперской стрельбе из «СКС» (самозарядный карабин Симонова) – оружия непревзойденного в своем классе, долго не мог приладиться к «АКМ». В конце концов отказался от пальбы очередями, смиряя гнев инструкторов и проверяющих быстрой и точной стрельбой в положении переводчика огня на «ОД».

«Мы все учились понемногу...» – в этом смысле Астманов – академик! В голове невообразимая смесь гуманитарных и технических знаний. Может, вполне профессионально, представиться биологом, химиком, учителем истории или русской литературы, журналистом или

полиграфистом. Протей, одним словом. Но, бесспорно, есть дар божий – полиглот. Месяц в новой языковой среде – и Астманов уже бойко общается. Он впитывает не слова – музыку языка. Впрочем, что здесь необычного – Астманов родился и вырос в Порт-Ветровске, где одновременное звучание семи-восьми горских языков на базарчиках, в порту или на вокзале – явление обычное.

...Ну вот и решение. Астманов, не торопясь, перенес чемоданчик и парашютную сумку к навесу, под которым маялись в ожидании борта на Союз десятков офицеров, прапорщиков и две помятые девицы, затянутые в джинсы с бычьими черепами на ягодицах и нейлоновые майки с символикой американских ВВС. Присел на свободную скамейку напротив коренастого прапорщика с эмблемами десантника.

– Обещают сегодня борт?

– Ага, второй день обещают, – вяло ответил десантник, – пойми их. Ташкент не принимает, говорят. А вот же, из Тузеля борт сел, но, говорят, на Кабул пойдет. Сюда лететь проблема – отсюда не легче. Эх, было время: ни тебе виз, ни паспортов – справку предъявил, и через Кокайты на Термез, как белый человек... Чайку бы сейчас попить, да в батальон неохота плестись, вроде попрощались вчера по полной схеме.

Протянули друг другу руки.

– Астманов, Алексей, человек божий, – пошутил Астманов.

– Суровкин. Михаил. Потапыч, – не остался в долгу прапорщик. Астманов оценил действительно медвежьё силу рукопожатия нового знакомого.

– А что, в дуكانчике чаю нет? – Астманов кивнул на серый полотняный навес за шлагбаумом.

– У Рахима? Да все у него есть, только плати «афонями». Чеки не берет. Шарахается. Это чтобы бойцы не заказывали товар. Он, жучара, себя Романом величает. «Дух» еще тот...

– Договоримся, – засмеялся Астманов, – пойдем, брат, проверим гостеприимство. А если борт объявят, увидим и оттуда, как народ засуетится.

– Да тут уже одна посутилась, – хмыкнул Михаил, – месяц примерно назад. Борт уже винты крутит, ее подвезли на «уазике», сам видел, шустро так выскочила и к рампе. А винта уже не видно – круг прозрачный, на всю катушку. Чиркнуло по плечу, подтянуло воздухом, что ли? Сумку в клочья, руку напрочь срезало. Девку о бетон шваркнуло – метров десять катилась. Не довезли до медсанбата, говорят, от боли сердце остановилось. Вмиг все! Да тут чему удивляться? А вот что лопасти погнуло – неделю борт стоял на ремонте – это полный отпад.

Подходя к навесу, Астманов замедлил шаг:

– Кто хозяин? Который из них?

– Вон спиной к нам сидит, в тубетейке белой.

– Бисмилляху Рахмони Рахим. – Астманов провел ладонями по лицу и, уже определив национальность сидящих под навесом, продолжил на узбекском: – Мир вам, братья, и благополучие. Хороши ли ваши дела?

Афганцы, сидящие на корточках под навесом, приветливо закивали, ответили на приветствие, приглашая в свой кружок, протягивая щербатые пиалушки с соломенно-желтым чаем. Прапорщик дрогнул:

– Ну их, еще какой заразы прихватим.

Астманов тихо сказал:

– Можешь не пить, возьми только. Сейчас спросим у хозяина что-нибудь другое.

Надо отдать должное тактичности афганцев, они сразу поняли, что «шурави» – советские – подошли со своими делами, и продолжили чаепитие. Рахим был уже на ногах и с полупоклоном приглашал офицеров внутрь палатки.

– Что желают командоры? Есть платок японски с люрекс, куртки кожаны, джинсы, батник, набор-косметика, блестки, ручки с девочкой, карты, сервиз «Мадонна», для ханум твоя

– «неделька», чайник с музыка, жвачка «Бубл гумм», «Джентан» – антиполицай, парча иранская, часы «Сейко», магнитофон «Шебро», «Сони», заморозка, гондон с усик, шипам, черный, с шарик – привычно затянул на ломаном русском языке Рахим, полуприкрыв глаза...

– Остановись, брат, – улыбнулся Астманов, – говори на языке отцов, ты же слышал, я понимаю узбекский. Дай моему другу пива, мне «Фанту», «Кемел», вот этот, солдатский... Мясо для двоих, чай сделай, только завари вот этот, «фемили чой» – Астманов показал на красную коробку с желтыми звездами и надписью «Фри стар», – времени у нас немного, брат.

Рахим кивнул, извлек из-за прилавка две низенькие табуретки, усадил гостей за дуканом у снарядного ящика, заменяющего стол. Здесь было попрохладнее, рядом протекал арычок, истоком которому служила брешь в ржавой водопроводной трубе. Отсюда же, через настежь открытые двери лавки, был виден навес аэропорта.

Рахим вынес луженое блюдо, доску и принялся нарезать мясо для шашлыка. Откуда-то взявшийся мальчишка завращал радужным камышовым веером, раздул угли, поставил на костерчик из щепочек закопченный жестяной чайник. Приготовления закончились тем, что Рахим застелил ящик зеленой салфеткой, на которой расставил пиалы, несомненно новые, блюдо с конфетками, миндалем и кишмишом.

– Здорово ты по-ихнему... Хоть убей, ни слова не понял. Где научился, здесь уже? – с интересом спросил Михаил.

– Нет, сюда я всего-то два часа как прилетел. Служил в этих краях. Срочную.

– Ну и я служил, – оживился прапорщик, – в Чирчике, под Ташкентом. Но ведь у нас как: приходит служить узбек из кишлака, казах, так ни слова по-русски. Конечно, «чурка», «бабай», «урук» – вот и все познания. Неправильно, но что делать – через два месяца бойца в строй нужно вводить. Если бы не офицеры и прапора местные, не знаю, как бы сладили.

– Миша, – мягко заметил Астманов, – а ведь они на втором году службы уже чисто говорят по-русски, кое-кто и без акцента. Результат-то какой: два языка знают. Без языка здесь не разобраться. Вот они услышали, что я на узбекском обратился, – перешли на фарси. Нам, Миша, многому у них учиться надо. Смотри, чай и сласти вперед подали. Почему? На твоих глазах из свежих продуктов свежую еду готовят. Этот баран, которого нам сейчас подадут, – сегодня утром травку жевал. Никаких холодильников. А ты пей чай, пока изжарят, сварят. Готовь желудок, настраивайся. Если перед едой чаю попьешь, то лишнего не съешь, не перегрузишься. Посмотри, у них мало толстяков.

– Да шашлык у них какой-то нерусский! Мелкий, как горох, переперченный. В этом тоже смысл есть?

– Конечно. Во-первых, наш, в кулак величиной, надо долго замачивать, нужен огонь хороший, а здесь дрова, уголь древесный – дороги. Во-вторых, в большом куске ты всегда найдешь что отбросить, а малый съешь – все мясо. Они умеют ценить еду. А перец раздражает слизистую оболочку желудка, защитная слизь вырабатывается, защищает от микробов, мелких царпин. Здесь это важно.

Мальчишка, похоже, сын дукащика, поднес медный куал и большую миску, затянутую ажурной сеткой.

– Вот так, Миша, руки приглашает помыть. У них с гигиеной не хуже нашего.

Шашлык на углях из арчи был вкусен, лепешка мягкая, чай, в который Рахим бросил зеленое зернышко эля, искрился и благоухал. Единственное, что сделал Астманов, – тщательно промыл пучок зелени.

– Так надо, Михаил, здесь ведь нет химии, все удобрения натуральные.

– Ну, брат, с тобой в дуканы ездить хорошо... Не обведут. А на какую должность здесь определили?

– В дивизионную газету. Ответственным секретарем. Знаешь, где редакция?

– Видишь, кунги стоят? Это ТЭЧ вертолетной эскадрильи. А за ними – палатка. Вот это и есть «За Родину». Дивизия сама – за взлеткой. Там мрак: ни кустика, ни ручейка. Они здесь в феврале встали. Ребята из Душанбе, все нормальные хлопцы, хочешь, пойдем, я провожу тебя.

На оживленную тираду высунулся из дукана Рахим, очевидно, решил, что время пришло, и негромко предложил Астманову «свежей» водки.

– Нет, Рахим, – отмахнулся Астманов, – брат улетает, голова должна быть на месте, а мне нельзя, по той же причине, что и тебе, – и видя, что дуканщик пытается понять взаимосвязь, поднял глаза к небу. – ...О вреде вина и майсиры вы знаете, а о пользе я вам не скажу...

Дуканщик округлил глаза и скрылся с важнейшей новостью. Этот странный мушавер дал понять, что следует установлениям Корана. Астманов же внутренне усмехнулся – прием штабс-капитана Снесарева сработал безотказно. В своем блестящем курсе лекций «Афган», будучи начальником Академии РККА, Снесарев упоминал случай, когда, отказавшись от употребления спиртного, он прослыл среди киргизов и узбеков в Афганистане «скрытым мусульманином». Наградой штабс-капитану были доверие и информация, естественно. На эту же награду рассчитывал и Астманов, который, однако, водку пил, иногда и до потери пульса. Но всегда не поздно начать новую жизнь.

– Миша, как тут в целом?

– Люди везде есть, – философски заметил десантник. – Хотя свои порой хуже «духов».

– А внизу, в Кундузе?

– Ночью услышишь. Как стемнеет – суший салют начинается. И все норовят трассерами... А чтобы мои хлопцы утром на дороге парочку мин не сняли, редко такое бывает...

Под навесом у стоянки началось движение. Народ с сумками потянулся к стоянке.

– Ну, кажется, погоду привезли, – поднялся прапорщик. – Пойдем, Леша, тебе все одно через стоянку идти, возмешь левее, там ворота ТЭЧ, патрульному, если остановит, скажешь, что в редакцию идешь – это вместо пароля.

– Спасибо за знакомство, Миша, я тут еще посижу, неохота по жаре плестись, а сумки мои пацану отдай. Счастливо тебе добраться. – Перейдя на узбекский, Астманов попросил дуканщика, чтобы его помощник поднес его багаж к лавке.

Взгляд непроизвольно упал на искусственный ручеек. Под ногами – вытоптанный, серый суглинок, а по бережкам этой тощей струйки – густая зеленая бровка. И затянуло этим сочным цветом в приятные воспоминания, в то особое течение мыслей, которое недаром зовется восточным кайфом... Михаил махнул приветственно рукой, показывая, что передал сумки баче... Давай, брат, лети, может быть, еще и посидим.

Сбоку раздался негромкий голос:

– Мушавер, нужно закрывать дукан, после пяти машины не выпускают, а оставаться мне здесь нельзя. – Рахим подсел на освободившуюся табуретку.

– Рахим, хорошее у тебя имя, и чай хороший. Меня называй, пожалуйста, Алишер. Я не советник, буду служить здесь. А теперь, брат, слушай, зачем я пришел к тебе и какой помощи прошу. Вещи свои и одежду я оставляю здесь. Ты подвезешь меня к гостинице «Спинзар». Я в Кундузе не был, все на твоей совести. Утром заберешь... Когда сможешь?

– Это опасно, мушавер... Я совсем не знаю тебя... Я простой торговец...

– Об этом расскажешь тем, кто у тебя базарный хабар собирает. Тяжело, да, Рахим, в Кундузе – контрразведка, здесь разведка, да еще не одна, ночью войны Аллаха... А тут еще я на твою голову... Когда ты меня заберешь от «Спинзара»?

– В семь часов, по нашему времени. Полтора часа вперед от вашего времени.

– Спасибо, дорогой. Часы я у тебя не буду брать. А время я еще в Ташкенте перевел... Да не ломай голову. Какая разница, через два-три дня я бы попросил тебя об этом же. Вот, возьми мои документы, – Астманов вынул из нагрудного кармана тонкую стопку риалов, отделил пять

бумажек, с удовлетворением заметив, как блеснули темно-карие глаза Рахима, – а мне достань прямо сейчас одежду, как у тебя, хоть свою снимай, не нужно новую, это потом.

– Мушавер, я не смогу тебя доставить назад. Когда возвращаюсь сюда, то ваши, внизу на дороге, проверяют пропуска.

– Молодец, Рахим, но это моя забота. К тебе вопросов не будет. А если будут, после моего возвращения все можешь изложить хоть в мечети, на общей молитве, если кому-то будет интересно.

В шестнадцать тридцать по кабульскому времени через выносной контрольно-пропускной пункт перед въездом на майдон (площадь), так местные именовали аэропорт, притормозил расписной грузовичок Рахима. Дежурный сержант в громоздком бронежилете и каске, обтянутой куском песчаной маскировочной сети, минут пять обсуждал с Рахимом список заказов, отсчитывал засаленные ветхие афгани и, оглянувшись по сторонам, вынес из будки две армейские канистры, поблескивающие от стекающего дизтоплива.

Хлопнула деревянная дверца грузовичка, скрипнул шлагбаум.

– Рохи сафед, маймун, – с московским говорком ослабился дежурный, поглядев на афганца, скукожившегося в тесном ящике над кабиной. Тот, обернувший половину лица концом чалмы, прижал руку к сердцу и, соглашаясь, закивал. Только вот пристально глянул... Услышал небось про обезьяну.

– Ты его раньше видел? – спросил дежурный своего помощника, вернувшегося от шлагбаума.

– Кого? – недоуменно переспросил солдат-узбек.

– Ну, того, что наверху сидел, в ящике. Сдается мне, что утром, когда на смену шли, я видел его в аэропорту, но только он был в нашей форме, в «хэбэшке» и в фуре зеленой... Старлей. Показалось?

– Точно, показалось! – радостно сказал молодой. – Он, когда на шоссе выезжали, закуривал. Сигарету облизал. Так только афганцы делают, которые травку курят.

– Надо было его пощупать, – буркнул сержант. – Да с Рахимом неохота ссориться.

Эх, сержант Модников, видел ты свою смерть. Да ведь как бывает? Через двадцать лет ни ты ее, ни она тебя не вспомнит...

Один патрон – один душман

Гостиница хлопковой компании «Спинзар» – опорный пункт Апрельской революции в Кундузе. Ухоженную двухэтажную виллу за высоким каменным забором «пассионарии» незамедлительно превратили в свой штаб. К весне 1980 года аккуратный домик превратился в закопченную трущобу, набитую суровыми революционно настроенными людьми и оружием. К ночи Кундуз становился полем боя, а такие объекты, как местная тюрьма, комендатура советских войск и «Спинзар» – бастионами народно-демократического строя.

Астманову не без труда удалось вызвать товарища Темира на КПП. Офицер царандоя, местной милиции, охранявшей «Спинзар», вознамерился обыскать позднего посетителя и уже было запустил руку в его просторные «шальвари камис», выискивая оружие, но Астманов, негромко, на фарси, предупредил:

– Пошарь у своих бача-бозов...

Царандоевец, таджик, худой как смерть, опешил, потом вспыхнул, схватился за кобуру, и кто знает, какой оборот приняло бы дело, но к воротам, заложенным мешками с песком, уже подходили иранцы.

Рекомендация Хуршеда оказала свое действие, хотя «тудешники» осторожничали – слишком уж необычный гость появился у них к ночи. Чай, вежливые расспросы о здоровье, о делах общего знакомого... Астманов вытерпел все, что предписывал этикет в данном случае, а затем предложил Темиру подышать свежим воздухом в беседке под огромными соснами.

– Возможно, мне понадобится ваша помощь в Мазари-Шарифе, – без обиняков начал Астманов, – мне здесь служить два года, всякое может быть, Темир. В Союзе, думаю, сочтемся. Я у вас не смогу бывать. Как ни маскируйся – вычислят, пойдут расспросы – мне это не нужно.

– Нам тоже, – в тон ответил иранец. – Хуршед там неплохо устроился. А здесь все по-другому. Мы раздражаем новую власть. Она ищет контакты с аятоллой. Ваши тоже двурушничают. Революция, революция... Да им важно, что Хомейни задницу американцам надирает. Тебе скажу – мы уходим отсюда, – Темир сделал предупреждающий жест. – Не спрашивай куда и зачем. Не могу ответить. Сначала в Кабул, здесь тупик. Потом видно будет. Есть еще места, где не забыли истинно революционного учения...

– Хуршед говорил мне о том, что ввод войск даст вам простор для действий, он прав?

– Всю жизнь он был теоретиком. Так им и остался. Ваши в один миг срослись с местными ревизионистами. И теперь выполняют две роли – защищают интересы Бабрака, пьяницы и интригана, и охраняют самих себя. Народу не стало легче. Сам увидишь, у дорог все разрушено, крестьяне бегут из своих домов, миллионы беженцев. Половина Афганистана в лагерях. И знаешь, где их больше всего? В империалистическом Пакистане и клерикальном Иране. Вот там они хлеб и мир имеют. А здесь «чель орду» – сороковая армия снарядов не жалеет. То ли со страху, то ли по глупости. Стоит только местным партийцам или военным сказать, что вот в этом кишлаке банда или этот вот караван с оружием – и ваши разметут все на белом свете. Афганцы водят за нос Москву. Смотри, их «Родина в опасности», а в одной Москве тысячи афганцев гуляют, никто назад не хочет возвращаться. А те, что были нормальные, так их выбили еще зимой. Конечно, у них теория была: один патрон – один душман. С одним магазином шли... Шахиды... Торговцы – движущая сила этой революции! Они ее и задушат, как только мешать начнет.

– Ты мне это говоришь, Темир, не боишься, а с Мазари-Шарифом, понял, раздумываешь: сказать не сказать.

– То, что я тебе сказал, ваш партийный советник от меня месяц назад слышал. С тех пор стороной обходит. Да это неважно. Через неделю нас здесь не будет. А тебе что нужно? Информация – обстановка, спрятать – взять, уйти – отсидеться? Ты же лазутчик? Но тебя

все равно акцент выдаст, хотя говоришь ты хорошо. Мне до этого дела нет, чем ты будешь промышлять. Хуршеду я обязан... В старом городе найди гостиницу «Балх», рядом увидишь дуکان – ковры, посуда. Сын хозяина, Джемшед, наш товарищ. Передавай привет от меня, от Хуршеда. Думаю, вы найдете общий язык. Все продается в этой стране... И не так уж дорого. Если жизнь здесь ничего не стоит... – Темир не успел закончить сакраментальную фразу – за забором грохнуло, беседка затряслась от осколков дикого камня. – Под крышу, быстрее, – крикнул Темир.

Только успели заскочить в черный проем, как от второго взрыва здание тряхнуло и двор стал медленно освещаться дрожащим желтым пламенем. На четвереньках из коридора поползли в комнату. Дрожащий свет усиливался.

– Что это они освещают? – стараясь быть спокойным, спросил Астманов.

– Шайтан бы их осветил, – ответил Темир, – это их сосны горят, как свечки, в другом конце, где партийный комитет.

Пальба набирала силу. Теперь уже со всех сторон был слышен треск автоматных очередей, тугие разрывы мин и гранат.

– И так почти каждую ночь, – засмеялся Темир, подтягивая тощую курпачу, явно устраваясь на отдых. – Главное, чтобы шурави с майдона не вмешивались. Там калибры посерьезней, а вот насчет меткости – не знаю...

Утром, уже сидя в кабине грузовичка, Астманов поймал на себе внимательный взгляд круглолицего бородатого крепыша в полувоенной форме. В обличье – примесь восточной крови, глаза чуть раскосые, карие. Бородач приветливо улыбался, только что рукой на прощание не махал. Что-то знакомое, настораживающее припомнилось Астманову. Явно свой, спец... Ну, спасибо, Темир – железо хамаданское. Сдал контакт... Впрочем, что можно выкрутить из всей этой поездки в «Спинзар»? Опоздание на сутки даже на самоволку не тянет. Астманов на всякий случай кивнул с улыбкой бородачу, и тот приподнял ладонь к сердцу...

Отсидев пару часов в тени навеса у Рахима, Астманов дождался, когда на полосу приземлится борт из Кабула, и, смешавшись с толпой, высыпавшей из самолета, уверенно двинулся в направлении места дальнейшей службы.

Молчание Рахима было обеспечено вполне приличной суммой, на этот раз в дензнаках Демократической Республики Афганистан, покупкой двух бутылок водки с винтовой пробкой и обещанием помочь брату в поисках должников из местных воинских частей.

Райский уголок

Астманов толкнул затянутую маскировочной сетью калитку и очутился в райском уголке. Изумрудные кустики осоки, гранатовые деревца, плющ, прикрывший к брезенту палатки. У чайного столика, в самодельных шезлонгах, предавались утреннему кайфу двое...

«Старший лейтенант Астманов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы...» Через полчаса он стал обладателем койки и тумбочки, познакомился со своим предшественником, который не скрывал радости от того, что может упаковывать чемоданы.

Редакция и типография дивизионной газеты «За честь Родины» являли собой образец того, как военный люд может устроить свой быт, когда ему не мешают жить по своему разумению в самых суровых условиях. Много, конечно, было не по уставу, но все для жизни... Мудры те командиры, которые не указывают на первых порах, как солдату обживать свой окоп.

Видавшая виды брезентовая двадцатиместная палатка была расперта изнутри алюминиевыми стойками. Но это мало помогало держать ее в идеально натянутом состоянии. Брезент по углам провис, образуя большие чаши для воды, сухой хвои и кусочков коры, которые щедро сыпались внутрь двора нависшие над палаткой сосны. Шезлонги, табуреточки, стол и скамейки – все было сколочено из дощечек, носивших явные следы оружейной тары. Посудный шкаф – снарядный ящик.

Внутри редакционного двора было чисто. Сияющие снарядные гильзы заменяли урны. Ну и конечно, неизбежная доска документации, пыльная фанера, обтянутая мутноватым полиэтиленом. Палатка была разделена надвое фанерной перегородкой. При входе – редакция, глубже – спальное помещение. Четыре койки, чугунная печь, обложенная камнями. Автоматные стволы торчали из-под тощих подушек, поскольку в сейф они не влезали, а патроны и гранаты вместе с тапочками, старыми ботинками и носками заталкивались под кровать.

Куриль в палатке не позволялось. Редактор не курил, будучи убежден, что курение сильно влияет на снижение половой потенции, да и попросту в этой ветхой, сухой как порох палатке, особенно когда протапливалась печь еще прохладными ночами, – душа ныла от нехороших видений. Палатка, кстати, была прижата к машинам вертолетной ТЭЧ (техничко-эксплуатационной части), набитым дорогостоящей аппаратурой, а задом дворик выходил на площадку, куда закатывали вертолеты «МИ-24» для регламентных работ. За пожар могли и шлепнуть до суда и следствия.

Шестеро солдат, они были хозяевами типографии, жили в прицепе. Там бойцы оборудовали гигантскую берлогу, обитую и устланную синими армейскими одеялами.

– А ведь сегодня первое апреля, – задумчиво как-то сказал редактор, – праздник. И ответственный секретарь прибыл...

Через десять минут офицеры подняли пластиковые колпачки от НУРСов, заменявшие стопки, и выпили за все хорошее сразу. Закусили перловой кашей из сухого пайка.

Наливая по второй, редактор пояснил Астманову, что здесь, в Афгане, эту рюмку пьют молча, не чокаясь, поминая погибших. Позже, в Ташкенте, Астманов долго не мог привыкнуть к тому, что за погибших – «третий тост». Толком такое смещение никто объяснить не мог, как, впрочем, и то, почему бы поминальному стакану не быть первым? Ведь вкуснее и праведнее всего пьется за ушедших в мир иной.

Пятеро типографских бойцов были русские, шестой – Одилджон – узбек из Ферганы. Он просто расцвел, когда Алексей заговорил с ним на родном языке, и через несколько дней привел вежливых, чистеньких земляков, устроил Астманову смотрины.

Умываться солдаты ходили к соседям из ТЭЧ. Офицерам по утрам поливали из чайника. Астманову это не понравилось, и на следующий же день, найдя на свалке пятилитровую жестяную банку, длинную шпильку с резьбой, он соорудил добрый старый рукомойник.

В Советской армии и Военно-морском флоте к началу восьмидесятых годов было около ста пятидесяти действующих дивизионных, бригадных, базовых и крейсерских газет. Много-тиражек. От Кубы до Шпицбергена. Для них были строго установлены периодичность, формат, тираж, технология печати. Начиная со времен Буденного и Ворошилова вся жизнь этих печатных придатков политических отделов регламентировалась огромным количеством неустаревающих приказов и директив. Кроме того, в кадрированных дивизиях «окопные правды» находились в анабиозе, периодически оживая во время мобилизационных мероприятий. И тогда сотрудники районных газет, офицеры запаса и военнообязанные, полиграфисты, приписанные к дивизиям, выпускали один-два номера, тем доказывая, что «если завтра война», то газета займет свое законное место в боевых порядках, рядом с тыловым пунктом управления.

Технические средства, казалось, не изменились со времен подпольных типографий большевиков. Ручной набор, тигельная печатная машина «американка», которую можно было при необходимости запустить в работу при помощи ножного привода, и прочий свинцово-чугунный хлам. Прогресс обозначался наличием очень капризных линотипов (строкоотливных машин) Н-12 и ЭГЦ – электронно-гравировальных центров. К середине 60-х годов появилось чудо военно-полиграфической мысли – БПК (бесшрифтовые полиграфические комплекты). Здесь оригинал-макет набирался на хитроумной печатной машинке с угольной лентой, а затем переснимался на селеновую пластину, с которой изображение переносилось на офсетную фольгу. Все было сверхзамудонским, кроме печатной офсетной машины – «Ромайор». Но она-то выпускались не в СССР! Вот на таком комплекте и покоилась полиграфическая база редакции.

Разумеется, Астманову, имевшему не раз дела с цензурой, было понятно: всей правды в дивизионке не напишешь. Но чтобы такая петля!

Про то, что солдат служит в Афганистане, писать нельзя.

Об участиях в боевых действиях – ни слова.

Что ранен – нельзя.

Что отбился на дороге от «духов», вывел из-под огня машину – нельзя.

Погиб – ни слова!

Десантника показать нельзя (нет в Афгане десантуры!).

А что можно?

Боевая учеба и караульная служба в Н-ской части. Еще можно было перепечатывать статьи из окружной газеты и «Красной Звезды» о том, как ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВА) помогает братскому народу восстанавливать дороги, школы и мечети, разрушенные душманами.

Автомат и пистолет Астманов менял дважды. Оружие в комендантской роте было хреновое. Битое, грязное. У «макарова» сам по себе «гулял» предохранитель, а на рукояти были странные глубокие царапины. Гвозди, что ли, забивали? Пришлось заменить. К оружию Астманов всегда испытывал безотчетное уважение. В раннем детстве были у него деревянные мечи, луки, пращи, позже – ножи из обломков пил и ромбических напильников. Первый свой самопал (в просторечии – поджиг) он собрал в четвертом классе. И уже на летних каникулах, осата-нев от страха и обиды, ткнул кургузый ствол в живот городскому шмональщику. Ума хватило не чиркнуть коробком о запал. Но черный зверек из городских трущоб, за спиной которого кучковалась кодла приятелей, оцепенел. При выстреле в упор поджиги и при холостом заряде разворачивали плоть, как добрый нож консервную банку, а тут в медную трубку была забита картечина. Стоит ли удивляться тому, что в тринадцать лет он опробовал на собственном портфеле первую самоделку под малокалиберный патрон, еще через год, собрав пятьдесят рублей на сдаче пустых бутылок, купил у такого же оболтуса, по кличке Валет, вполне приличный трофейный «Вальтер» с десятком патронов. Спасибо соседу – отставному капитану торгового

флота. Услышав на задворках выстрелы, старый латыш подобрался к Алешке, съездил по уху и обменял пистолет на половинку бинокля, проведя перед этим обстоятельную беседу.

Видя, как привередливо ответственный секретарь относится к оружию, подгоняет ремни и застёжки на подсумках, нашивает на маскхалате карманчики для блокнота, пленок и индивидуального пакета, редактор не выдержал:

– Леша, не трать время. Тебе ведь не особо ездить придется. Твое дело – макет, вычитка, общее руководство.... Да и мне месяц остается. Ухожу без замены. Какое-то время будешь исполнять обязанности редактора.

– Командир, а если мы с корреспондентом поменяемся ролями? Я писать буду, а он пусть секретарит?

Редактор неожиданно легко согласился на такой вариант:

– В нашей кухне, сам знаешь, политотдел не очень-то разбирается. К тому же вижу – не будешь ты сидеть на месте.

Астманов мысленно вознес благодарение небесам. То, что он думал решить с помощью земных даров и словесных хитросплетений, – осуществилось само собой. Даже неловко за такое легкое решение. Все. Гора с плеч. Есть оправдание для поездок. Теперь нужно найти тех, кто ходит по степям, пескам и предгорьям в северо-западном направлении, в приграничных с Союзом уездах провинций Кундуз, Саманган и Балх. Само название – Балх – истомой отзывалось в сердце Астманова. Пожалуй, пора сказать почему.

Баал-хани, Балахони, Ваал-бах,
Сердце мое в золотых песках...

Басмач Апрель 1971 г. Кизил-Арват, ОРЛБ 4-й РтБр

– Ты знаешь наш язык, обычаи, уважаешь старших. Ты мне нравишься. Если женишься на нашей девушке, в лес ее не увози. Плохо жить в лесу... Я жил в Сибири. Долго... Десять лет, сынок, еще до войны с немцами.

– Ата, ты забыл, я – из Дадастана. Там море, горы. Другой берег Каспия. Там живут мусульмане, почитают сунну, как и здесь. А жениться мне еще рано...

– Эх, слабая у вас, молодых, кровь! В твои годы я уже имел две жены... Правда, время было другое.

Что делает в нищенской мазанке басмача, а по-иному старика здесь не величали, молодой коммунист, будущий офицер запаса, старший сержант Алексей Астманов? Слушает рассказы старого бандита, его диковатые песни под аккомпанемент «одна палка два струна». Странная дружба...

Как-то, будучи старшим машины-водовозки, Астманов, к великому неудовольствию офицерской жены и в нарушение всех правил, посадил басмача в кабину «ЗИЛа» четвертым. Старик сидел под навесом на выезде из города в надежде на попутный транспорт. Что заставило Астманова остановить водовозку? Или именно так, безотчетно, начинаются крутые повороты в судьбе человека?

Сняв с плеча старика ковровый хурджин, Алешка посадил попутчика в кабину, с внутренним злорадством отметив, как испуганно-брезгливо отодвинулась от старика жена батальонного начфина. Так и ехала с каменным лицом. Сам он устроился на подножке машины, моля всех святых, чтобы не попался по пути кто-либо из штабных на «уазике».

Предусмотрительно высадив басмача метров за триста от жилого городка, Астманов, не отнекиваясь, принял от него три отменных красных яблока – хубани и в ответ на «спасибо тебе, сынок», прозвучавшее на русском языке, сказал на туркменском:

– Отец, разрешите зайти к вам в гости. Я хочу знать об этих краях, о людях побольше, чем нам говорят. Старые люди многое знают...

О, как блеснули глаза басмача из-под нависших седых бровей! Но только на миг.

– Я рад гостям, сынок, заходи... Кто бы тебя ни послал, но всякий гость – от Бога. Ты меня понимаешь?

– Боже, чем от них так воняет, – прошипела капитанша, когда машина тронулась. Слова ее повисли в пустоте. Астманов едва сдерживал смех, поскольку водитель «ЗИЛа» был кругленький узбек Таштанов из Ферганы, явно знавший толк в восточной кухне. Когда же водовозка притормозила у офицерских барачков, он, помогая женщине сойти, ответил на ее раздраженный вопрос:

– Курдюком пахнет. Это сало такое, баранье. Растет под хвостом, – и, вытягивая губы в трубочку, как бы пропел: – Думба оно называется. Очень вкусное и полезное. Вылечивает от всех болезней и пороков, если в сыром виде есть. Оно очень дорогое – дороже мяса. Попробуйте.

Таштанов потом сказал:

– Тебя, Алиша, начфин вместо думба съест.

Ну не съел, не его «парафия». Однако больше Астманова за водой не посылали. В мазанку Ширали, так звали старого туркмена, Астманов заглянул уже следующим вечером... А потом еще и еще раз...

– Нет коня лучше ахалтекинца... Мы уходили от кызыл-аскеро́в, как ветер. Не в войнах была сила наших врагов. Среди нас они находили предателей и обманом вытесняли все дальше, к пахтунам и каджарам. Что ты хочешь знать? Что наши курбаши были сначала на стороне Советов? Да, ведь Советы клялись на Коране не трогать наши стада, дома, не отменять законы отцов. Все получилось наоборот. Все, что говорил Мухаммад, они считали преступным. Но ведь они не были даже ансара – людьми Писания. Это были просто язычники. Тогда и разгорелся джихад. Мы не разрушили ни одного храма пророка Исы и его матери Мариам. Они сжигали наши мечети и разрушали мазары. Даже буквы стали чужими, и наши дети перестали читать Коран.

– Ширали, но ведь они читали, не понимая смысла. Кто здесь знает язык Пророка? Хаджи, муаллимы?

– И я спрошу тебя, сынок: нужно ли знать смысл заклинания, древней молитвы? Ты просто произносишь слова откровения, и они достигают своей цели. Что человек знает о словах? Он немного знает о вещах, о своих желаниях... А слово – это сокровенное. А мысль еще выше – это тайна тайн. Не правда ли, твоему поступку предшествует мысль? Значит, она – начало твоей судьбы.

– Не всегда, – неуверенно возразил Астманов, – поступают же люди не задумываясь.

– Нет, сынок, они просто не успевают понять язык своих мыслей. И то сказать, не всякая мысль в твоей голове – твоя. Не так ли?

Спорить с Ширали бесполезно. Он мягко и беззлобно разрушает все, что Лешка считал незыблемым. Да и ладно бы только это! Забугорное радио, особенно «Свободу» и «Немецкую волну», Астманов слушает регулярно, здесь, в иранском приграничье, они принимаются лучше «Маяка». Солженицын, Галич, оттепель, диссиденты... Но старик знает иное, более важное. Знает и умеет.

У Астманова на правой руке два кровоточащих пятака пендинской язвы. Три месяца ноет рука от кончиков пальцев до ключицы. А что с пендинкой делать – терпи, пока не заживет, воняй риванолом, меняй повязку.

– Смой, сынок, эту желтую мазь и завтра приходи с чистой повязкой. Я помогу тебе снять «печать судьбы».

Через день Лешка покорно протянул руку и вытерпел безумное жжение от бурой пыли, которой старик щедро присыпал язвы. Потом рука онемела.

– Не снимай и, главное, следи, чтобы не намокла. Через четыре дня продолжим.

Не было продолжения. Язвы затянулись тонкой блестящей кожей. У Лешки хватает ума не просить снадобья для друзей по несчастью – слишком уж сильные ощущения от этого лекарства. То огнем жгло, то словно резали по живому. И сны чудные снились все эти три ночи...

– Ширали, а правда, что в старину пиры могли пронзить себя кинжалом – и потом ни крови, ни раны? Я читал об этом...

– Правда, только не говори о пирах. У них своя вера. Никто не знает до конца, во что верят люди Ага-хана. Знаю, что они ждут Махди – последнего пророка. Не надо об этом. Знай только одно – исмаилитом нужно родиться. А эти фокусы с кинжалами... Аман... – закричав, Ширали приподнялся, запустил руку за низенький шкафчик с посудой, и перед глазами Лешки сверкнуло узкое синеватое лезвие. Подобием переплетенных роз шла по клинку полустертая арабская вязь. Ширали засучил рукав чапана и прижал острие выше кисти. У Лешки пот покатился по лбу, когда увидел он, как старинный клыч медленно входит в руку. Вот уже взбурилась кожа на противоположной стороне, а старый колдун все давит. Вышло лезвие – без единой капли крови. Внезапно, что-то бормотнув на арабском, Ширали выдернул нож и зажал место прокола... Астманов услышал толчки собственного сердца.

– Твой страх передался мне, сынок. Вот, смотри: крови нет, – старик сполоснул лезвие чаем и отправил нож на место. – Тебе скажу так – когда пиры, дервиши, шахиды делали такое,

то они сами и люди вокруг знали, что сталь не может нанести вреда истинно верующему в могущество Аллаха.

«Студентов» особо не контролировали по вечерам. Куда денешься в пустыне? Поэтому Астманов беспрепятственно проводил вечера у Ширали, иногда возвращаясь в казарменный барак за полночь.

Как-то майским вечером, привычно прося разрешения войти, Алексей учуял на пороге кибитки подозрительно знакомый запах. О, вот чем балуется старый моджахед! Густой аромат индийской конопли вырывался в пустыню через низкую притолоку...

Слаще банджа в кальяне моем...

Май, 1971 г., Кизил-Арват, радиолокационный батальон 4-й РтБр

Гашиш, анаша, травка дурь, товар, план – как ни назови, но, похоже, в Порт-Ветровске знали чудесные свойства выдержанной пыльцы индийской конопли задолго до основания города царем Петром. Понятно, рукой подать до тысячелетнего Дербента, Тегеран и Багдад ближе Москвы, если смотреть по карте. Конопля и опийный мак и в Южном Дадастане набирали свою волшебную силу. Пусть не такую, как в Чуйской долине, Бадахшане или Кандагаре, но вполне ощутимую. В шестидесятые годы цены на подобный товар в Порт-Ветровске были божеские: баш – шарик гашиша величиной с крупную горошину – стоил пятьдесят копеек (по цене билета в кино на вечерний сеанс).

Алешка приобщился к дури в шестом классе. Энергичный армянский подросток Гамо (полное имя – Гамлет) организовал копеечную складчину и принес две толстые папиросы «Казбек», закрученные на конце. Забитые, значит. По иронии судьбы действие разворачивалось на ступеньках районного военкомата. Тут важен ритуал: папиросу положено было раскуривать самому авторитетному (конечно, Гамо), смачивая слюной для равномерного горения, держать двумя пальцами снизу и стараться не ронять пепел. У кого столбик упал – свободен! И что? Да ничего, кроме рвотного кашля и сухости во рту, Алешка не испытал. То ли Гамо принес сущую туфту, по своей природной хитрости, то ли организм у Алешки был такой – ведь засыпал он на ходу, стоило ему выпить даже ячменного кофе.

Об анашистах ходили самые грозные слухи, дескать, мозги у них высыхают и превращаются в серый порошок, детей они иметь не могут и прочее. Алешка, однако, критически подходил к таким оценкам. У соседа Ярыги, который анашу ел как халву, запивая чаем, было четверо шустрых, пухлощеких наследников, красивая еврейка Сусанна «дошабилась» до бронзовой кожи и успешно училась в медицинском институте. Но видел Алешка и другое – у большинства «плановых» был свой мир, ему непонятный и до опасного скучный.

Первый приход – волну кайфа – Алешка испытал в неполные шестнадцать лет в месте опять же приличном – в школе. Правда, это была уже СШРМ – средняя школа рабочей молодежи, вечерка. Оставленный за двойку по немецкому языку на второй год в девятом классе школы «имени Героев Космоса», Алешка влился в ряды рабочей молодежи, поступив в ремесленное училище, где мастер потребовал от него посещения вечерней школы.

Дело было в конце мая. Отписав раньше других четвертную контрольную работу по алгебре, Алешка и его соученик, двухметровый кузнец Тахир, гордо вышли из класса в пустынный коридор. Тахир с признательностью сжал в своей мозолистой лопате Алешкину ладонь за бескорыстную помощь не только в решении примеров, но и переписывании работы набело. Затем, очевидно в порыве благодарности, кудлатый гигант вынул из нагрудного карманчика папиросу с хвостиком и после двух глубоких, с паузой, затяжек предложил косячок Алешке. Вот это был товар! Откашлявшись в воротник, Алешка понял, что мир изменился в лучшую сторону. Май, бархатное небо, крупные, дрожащие звезды, сиреневые холмы под окном. Тахир взял папиросу огоньком в рот, выдул густую голубоватую струю, и Алешка вдохнул ее, а потом всеми фибрами души почувствовал аромат весны и свободы. Что уж такое сказал Тахир – неважно, но что-то очень смешное, и друзья сначала потихоньку, а потом во весь голос принялись смеяться. Доржались они до того, что не заметили, как к ним подкрался Нос – директор вечерней школы. Этого тщедушного еврея с огромным носом и пугающе-черными глазами боялись хулиганы всех мастей – исключительной смелости был человек! Другам бы уняться и ретироваться, но добрый «товар» сыграл с ними злую шутку. «Товарищ директор, – вытянулся

Тахир, приложив руку к смоляным патлам, – ученики девятого класса задание выполнили и... готовы...» Алешку от всего увиденного и услышанного перегнуло пополам от дикого смеха, юмор ситуации был нестерпимый... Не миновать бы беды, но учебный год завершился, а далее судьба совершила очередной поворот, за которым несколько лет не было места гашишу...

Астманов легонько постучал по притолоке:

– Мир дому сему и всем живущим в нем. Можно, Ширали?

– Заходи, сынок, и тебе мир. Садись...

На низеньком столике увидел Алешка «парадный» фаянсовый чайник, пеструю смесь сухих фруктов и леденцов на расписном глиняном лягане, опаловые кристаллы сахара-наваба, две пиалы. Выходит, ждал его старик.

– Я тебя издалека приметил, – словно угадывая мысли Астманова, сказал Ширали, – еще когда ты с дежурным сигареты делил... Это хорошо, ты добрый юноша. А я вот своим табачком балуюсь.

Астманов повел глазами за движением руки старика и разглядел в густой тени под окном небольшой кальян.

– Это мой старый друг, – Ширали переставил изящную конструкцию на столик, – ему намного больше лет, чем мне. Когда-то он служил советнику последнего эмира благословенной Бухары...

Астманов завороченно смотрел на золотистый крутобокий сосуд, по которому вился сложный орнамент куфы – особого начертания арабских букв.

– Здесь нет имени Всевышнего, – полувопросительно сказал Астманов.

Глаза старика весело блеснули:

– Молодец, Алиша! Разве место имени Создателя на сосуде забавы? Это работа старых персидских мастеров. И слова здесь не арабские...

– Ширали, а это не грех для правоверного? – Астманов кивнул на черные комки гашиша.

– Не знаю. Я не святой и не стал шахидом... Только вот когда мечешься по пустыне и все предают тебя, когда ни воды, ни пищи – это лекарство помогает. Уставшему – вторая жизнь, старику – утеха. А мне дважды простится. Помнишь, как ты меня в машину взял? Я тогда из больницы возвращался. Еле вырвался. Грозили, что найдут с милицией. Вот, смотри... – Старик скинул чапан с левого плеча, и Астманов увидел жгуты толщиной в мизинец, расползающиеся от ключицы к предплечью и груди.

– Да... это же... – осекся он, страхась произнести роковое слово...

– Чего ты, сынок, испугался? Давно уже меня ест этот змей. А как он называется: «каньсер», «сары-кома» – это разве важно... А вот скажи, ты запретное ешь и пьешь?

– Ширали, кто в армии не ест свинину? С голоду сдохнуть можно. Сейчас даже так говорят: какой же мусульманин не любит сало? – Астманов отвечал машинально, угнетенный увиденным и странным совпадением – точно от такой же опухоли скончался четыре года назад его дядя Кизим.

– Мудрый человек очень давно говорил мне, что тем, кто ест харам, нельзя курить гашиш, потому что в голове свиньи и без того много сильного яда. Этот яд сильнее в тысячу раз, чем гашиш. Может быть, потому русские сильнее нас, как дивана (сумасшедший) сильнее обычного человека. А если вы еще курите гашиш, то – совсем сходите с ума. Я это видел не раз. – Старик взял медные щипчики, разжег кусочек угля и, уложив его в чашечку, накрыл черной сеткой. Затем, довольно сощурившись, подсыпал несколько комочков гашиша и не торопясь раскурил кальян. Почудился Астманову запах сандала и розы, и когда Ширали протянул ему мундштук, рука сама взяла упругий шелковичный чубук. Дым свободно, в полный вдох, вошел в легкие...

– Я, Алиша, знаю, скоро ты уедешь, – доносился издалека ровный голос Ширали. – Мне без тебя скучно будет. Я для ваших – басмач, так они всех стариков за глаза называют. Иногда не ошибаются... Вот эта кибитка – пристанище пастухов моего отца... Здесь я свой путь

закончу. Это правильно. Долго терпела меня земля. Все мои друзья умерли, детей по свету разбросало. Имя чужое у меня... А настоящее, кроме горя, ничего не принесет... Думаю, и твоя жизнь нелегкой будет. Своевольная кровь в тебе. Будешь жить по голосу крови. Хочу помочь тебе и боюсь. Сам вот тоже, не успел или боялся? Ты меня слышишь, Алиша?

– Говори, отец, совет мудрого дороже золота, – прижал руку к сердцу Астманов.

– Неподалеку отсюда есть старая крепость Уллу-Кала. Она всегда там была. Кто ее строил, не помнили и старики, когда я такой, как ты, был. Если вечером выйти, то до полудня можно добраться. Никого с собой не бери... Пойдешь, Алиша?

– Пойду, Ширали, говори, зачем? Что там я увижу, кроме старой глины?

– Не спеши. Не знаю и теперь, на добро или зло тебя посылаю... В это время каждый год вспоминаю, а ведь сорок лет минуло.

– Май тридцать первого года, Ширали, – притворно равнодушно протянул Астманов, – и помнишь?

– А, кровь разыграла, – засмеялся Ширали, – спокойным хочешь быть, это хорошо. Да ведь знай, что память – это и есть жизнь... А доживешь до моих лет – ничего иного не останется. Конечно, если будет что вспоминать. Так вот, в тот год мы переправили свои семьи кто в Афганистан, кто к персам. Там жили наши родичи. А сами вернулись. Были здесь и дела, и старые долги следовало взыскать, кровные долги, Алиша... И еще, один влиятельный человек, наш покровитель из родственников Аманулло-хана, поклялся выполнить все наши просьбы, если мы проведем в Мерв, по-вашему – Мары, двух русских офицеров. Это было опасно, так далеко уходить, но афганские власти могли нас попросту выдать пограничникам-комиссарам, ограбить, отнять последнее. У них тоже было тогда беспокойно. Эти офицеры были не такие, как у вас теперь. Они знали наш язык, а между собой говорили как англичане, хорошо держались в седле и все тропы знали лучше нас. Где переправляться, где остановиться на дневку – мы слушали их... От Мазари-Шарифа мы двинулись на Тахта-базар, а потом по пескам в Мерв. Там уже много чужого народа было, копали большой арык от Мургаба к Аму...

Астманов, забыв про кальян, впитывал каждое слово Ширали, понимая, что старик оставляет ему завещание, приобщая к тайне, обладание которой слаще самого крепкого гашиша. Ликовала душа, в которую вселился Дух пустыни...

– В Мерве все прошло спокойно, они взяли меня одного. Если сейчас поехать, я вспомню дом, куда они зашли. Часа они не провели под его крышей... Вышли, как хозяева, спокойно. Только я заметил на их обуви следы глины, и еще у того, что постарше, рукава рубашки были мокрые, будто застиранные. Потом, когда пришла пора уходить, они сказали, что будут добираться по железной дороге в Казанджик... Я вызвался идти с ними и помочь собрать верных людей на обратный путь. Не мое было дело спрашивать, почему они решили уходить в Иран, дорогу на Гомбеде-Кабус я знал. Все шло хорошо, но под Уллу-Кала наткнулись на кзыл-аскеров, не простых, а настоящих барсов пустыни. Были и такие, Алиша. Отбивались мы, да что толку! У них пулеметы, горная пушка, без счета гранат... Что последнее видел – у восточной стены офицеры стояли на коленях. Думал, молятся перед смертью. Нет, Алиша, они прятали то, за чем шли с нами в Мерв и Казанджик. Потом снаряды стали рваться ближе к нам... Очнулся я уже в Кизил-Арвате, в зиндане. Знаешь, о чем меня спрашивали? Куда и зачем ходили эти русские офицеры. Но если бы кожу с меня содрали – не сказал бы. Знаешь, почему? Там, где меня спрашивали, били сапогами и плетью, на стене, перед смертью, мой брат имя свое написал. Я хотел уйти к нему в этом же месте... Там было много имен...

– Ширали, а потом, после всего, ты ходил в Уллу-Кала? Что прятали офицеры? – подвинулся к старику Астманов.

– Был, сынок. Через двадцать лет. Вот, смотри и думай – это ли нужно было прятать перед смертью?

Ширали отогнул край ветхого паласа, поддел узкую доску пола и, запустив руку по локоть в черную дыру, вынул сверток. На изумрудном иранском шелке тускло блеснули старинный перстень, ажурный шарик и причудливая массивная серьга. Особняком в этой «коллекции» лежал потемневший винтовочный патрон.

– Это ли нужно прятать перед смертью, Алиша? – переспросил Ширали, и Астманов понял, что старик ждет от него решения загадки...

«Так... Кольцо. На камне что-то вырезано... Голова быка? Или льва... Нет, определенно быка. Шарик. Почему в нем сквозное отверстие и что за странный узор... Украшение? Пуговица? Что в этой компании делает патрон?»

– Я могу вынуть пулю, Ширали?

Старик протянул перед собой ладони, приглашая к действию. Астманов потянул медное жало и вытряхнул из гильзы свернутый в трубочку клочок бумаги. Старик довольно засмеялся:

– Лукман твой покровитель, Алиша. Я долго не мог понять, что здесь делает патрон, какая ему цена... Хочу, чтобы ты знал: там было еще два десятка царских червонцев, но они без лица... Деньги и есть деньги.

Астманов поднес клочок коричневатой бумаги к лампе. След графита уже осыпался, но по бороздкам, напрягая зрение, можно было прочесть слова: «Балх. Тилля т. Вост. скл.».

– То, что ты прочитал, сынок, я и так понял: золото это из Балха. А вот Тилля-тепа – Золотых холмов там много. Где найдут парочку сережек или кольцо – тот и «золотой». Вот, смотри, не в Балхе, здесь найдено, – старик поглубже запустил руку в тайничок. – Вот какие перы здесь жили...

На коричневой сморщенной ладони словно ожила под зыбким светом миниатюрная женщина. Обнаженная грудь, гордо поднятая голова с короткой прической, манящий изгиб бедер. За спиной то ли крылья, то ли разлет накидки. Черты лица поразили Астманова. Круглый, детский овал, полные губы и большие глаза... Как будто звала к себе. Астманов безотчетно поглаживал изгибы фигурки, ловя себя на том, что не ощущает прохлады металла.

– Эй, Алиша, не влюбись, – забеспокоился старик, – у старых мастеров ифриты на привязи ходили. Потому Всевышний запретил мастерить себе подобных из камня, золота и прочего... Ты лучше ответь на мой вопрос: вот то, что ты увидел, стоило прятать перед смертью? Нет, так давай скажу: ради этого стоило рисковать жизнью? Горстка золота.

– Не знаю, Ширали. Я еще не умирал в бою, наверное, нет... Но ты же больше ничего там не нашел?

Астманову показалось, что старик рассердился:

– Не нашел! Да знаешь ли ты, что лучше всего хранят тайны вода и песок, ибо нет на них следа.

Этой же ночью после отбоя Астманов ушел в пустыню. По его расчетам, до крепости было не более сорока километров – восемь часов хода. Двадцать до Узбоя – соленого ручья, а потом от старой кошары на юго-восток. Недалеко от кошары, у засыпанного колодца, Астманов уже бывал. Там, словно мираж среди бурых песков и чешуйчатого такыра, цвели в эту пору павлиньи хвосты. Нет, не цвели – горели золотисто-розовым, жемчужным огнем.

Исполосовать бы его худую задницу за экипировку, с которой вышел он в пески, да некому было. Три фляги, раздутые холостыми выстрелами, наполненные по горлышко отваром янтака – верблюжьей колючки, горсточка соли, лепешка, полпачки зеленого чая, комок нутряного бараньего жира, две коробки спичек, три пачки махорочных сигарет «Донские», простыня, саперная лопатка, заточенная по всей кромке не хуже ножа, компас и артиллерийский бинокль. И восемьдесят километров песков и такыра в пустыне Кызылкум в середине мая. Восемьдесят, если туда и обратно идти по линейке...

Алмазный крест

Крепость Уллу-Кала, 55 км юго-восточнее г. Кизил-Арват. 12 мая 1971 г

Посмотри с вершины бархана на пенящийся вдали поток. Посмотри, взывает Дух пустыни, – это не мираж... Глянешь, и прибавляется сил втрое. Чудо: белопенная речушка в пустыне. И рванешь к ней из последних сил, тем более что розовым огнем горят на ее берегах деревья. Но чем ближе белые кружева, тем тревожней на душе... Что-то не так. И только когда глаз различает, что буруны стоят на месте, вдруг со страхом чувствуешь тишину. Узбой – горько-соленая, тяжелая, как ртуть, вода. И не пена на берегах потока, а застывшая горькая соль. Не дай бог сделать глоток или положить щепотку соли на язык – последнюю воду безудержным поносом вытащит из тела. Это ловушка для чужаков. Или для тех, кто еще не покорился Духу пустыни, презирающему саму суть надежды...

Алешка спорым шагом вышел к Узбою на рассвете. Половина пути к цели пройдена. У развалин кошары, нарубив сухой колючки, развел костерок и вскипятил красный отвар из фляги в жестяном чайнике, оставленном пастухами неведомо в какие времена. В кипяток засыпал щепоть зеленого чая и, подождав, пока развернутся листья, добавил соль и комочек бараньего жира. Прихлебывая солоноватый, пахучий чай, известный ему с детства под названием «калмыцкого», Астманов посматривал на полоску рассвета за Копетдагом. Ничего хорошего этот день не обещал: в мутно-красном ореоле всходило солнце. Он пытался припомнить, каким был вчерашний закат... Если грянет «афганец», лучше сейчас поворачивать в батальон. «Солнце красно к вечеру – в море делать нечего. Солнце красно поутру – моряку не по нутру». Морские пословицы-приметы и в песках верны!

Но чай и табак – два демона. И если тебе двадцать лет, то утро, начатое с «калмыцкого» чая и махорочной сигареты, может вскружить голову. Пыльные бури здесь обычно набирали силу к двум часам пополудни, и Алешка решил, что до красной мглы вернется к Узбою. А там, хоть вслепую, дорога одна: по узкой полосе такыра можно выйти к грунтовке в часе ходьбы от городка.

Тихий шорох сзади заставил напрячься, рука скользнула к саперной лопатке. Не вставая, резко, всем корпусом Алешка крутанулся на песке. Рука, поднятая для удара, застыла над головой. Метрах в пяти, опираясь на кривые мощные лапы, угрожающе разинул пасть метровой варан. Новость! Обычно эсдерха – «крокодилы пустыни» – улепетывали от человека. И чем крупнее, тем пугливее, осторожнее они были. А этот сипел и раздувался, прогоняя чужака. Какая хватка у этой крупной рептилии, Алешка уже знал. Месяц назад, изловив такого же «крокодила», солдаты додумались посадить его перед казармой в нишу, накрытую тяжелой железной решеткой для чистки подошв от глины. Естественно, уселись в курилке и катались от смеха, наблюдая за реакцией входящих. Астманов «удачно» наступил на арматуру и, только когда что-то сильно дернуло его за каблук, увидел пленника. Каблук остался в пасти рептилии. Старый способ – метни варана на веревке к соседу во двор, он мертвой хваткой уцепится за первый попавшийся предмет, и тащи добычу. Алешку смутило бесстрашие ящерицы. В чем дело? Он осторожно подтянул к себе имущество, разложенное на простыне, и, не вставая с колен, отодвинулся подальше от костерка. «Крокодил» молнией скользнул к пролому в стене. Все прояснилось позже, когда он, взяв курс на Уллу-кала, обогнул развалины кошары. Варан осторожно наметал ребристым хвостом песок на желтоватые шарики. Самка, – с облегчением рассмеялся Астманов. Теперь понятно, почему на него разозлился варан...

К Уллу-кала он вышел к полудню, когда половина неба была уже затянута желтой пеленой. На гребне бархана сориентировался. Вот этот оплывший вал – восточная стена. Измерив

дважды шагами длину стены, Астманов остановился на середине и начал разгребать лопаткой слой наметенного песка. Когда же лезвие зацепило твердый грунт, расстелил простыню и стал сыпать на нее суглинок из траншейки. Через час белый лоскут был засыпан слоем суглинка, а наградой за труды стали три позеленевшие гильзы от трехлинейки, источенное ржавчиной кольцо и обрывки задубевшей сыромятной кожи. Сухая свалка...

«Стоило ли это прятать перед смертью?» – усмехнулся Алешка, вспоминая вопрос старика. Бежать, бегом бежать отсюда – заметет заживо. По трое суток, бывает, висит красная мгла. Ну, ладно, попробуем поближе к стене. Лопата вошла в грунт и едва слышно царапнула по твердому. Опять гильза? Не врал старик, жаркое здесь было дело. Нет, крупнее... Заинтересованный, Алешка запустил руку в раскоп. Так, перекрестье какое-то... Расширяя пальцами пространство вокруг неведомой находки, он вздрогнул от резкой боли. Выдернул руку и, сдерживая накат тошноты, увидел глубокие порезы на подушечках указательного и безымянного пальцев. Гибельная смесь злости, разочарования и тревоги заполнила все его существо. Все одно к одному! «Афганец», этот чертов варан, кровь, стекающая в песок.

Страхнув землю с простыни, Алешка оторвал полоску ткани, наскоро перетянул кисть выше сустава. Затем, поеживаясь от боли, помочился на порезы. Не то чтобы отвара янтака было жалко, но своя моча сродни хорошему дезинфицирующему раствору в таких вот случаях. И ведь полегчало! На смену злости и отчаянья пришел безудержный смех. Алешка вспомнил, как в детстве муж его двоюродной бабки, Любови Ивановны, старый еврей Исай Львович, равнодушно-мудро советовал, видя затруднения пацана: «Сходи, поссы...»

А смех был сродни припадку. Это за собой Алешка знал – в самый неподходящий момент открывался ему неведомый другим юмор ситуации. И вот с этим смехом он вцепился в лопатку и яростно стал долбить серую глину Уллу-кала, намереваясь извлечь чертов предмет. После серии ударов что-то вновь скрежетнуло, и Алешка увидел внушительную зазубрину на кромке лопатки. Правую руку в раскоп он запускал уже куда осторожней. Пальцы вновь нащупали перекрестье, и на свет появился странный, пепельного цвета предмет – крест, наподобие того, что носят священники на рясе. Такой, да не совсем! Концы креста были плавно изогнуты. Один конец креста был наполовину обломан. «Свастика? – мелькнула мысль. – Фашистская? Какие фашисты здесь в тридцатых годах. А вот где фюрер взял символ – это точнее... Индия. Циклоида в кольце...»

Астманов осторожно провел по излому ногтем, ощущая его бритвенную остроту. Можно было и без пальцев остаться! Излом посверкивал каплей росы на рассвете. Металл? Сталь не бывает такой теплой и полупрозрачной в тонком слое. Камень? Но крест был явно литой, да еще ромбического сечения. Алешка прижал излом к лопатке и с силой провел им по стали. Поползла тонкая кудряшка металлической стружки...

Дальнейшие действия Астманова можно назвать автоматическими. Он бросил гильзы и ржавое кольцо в раскоп и тщательно замаскировал следы поисков. Саперную лопатку присыпал у стены с обратной стороны. Находку обернул носовым платком и спрятал во внутренний карман гимнастерки...

Все. Можно идти назад. Кто это сказал? Конечно, Дух пустыни. Иди, ходок, уноси неведомую тебе драгоценность. Уноси, если сможешь... Нет для нее стражей. Она сама хранит себя.

Эх, сгруппировавшись, Астманов – рванул, как беглец, как начинающий щипач от обворованного фраера, прижимая к груди добычу. На вершине бархана, в километре от крепости, попытался сориентироваться. Бесполезно: видимость нулевая, и компас странно заплескался. А сзади, подывая, накатывалась бурая мгла. Алешка машинально шагнул по направлению к Узбою, как ему казалось, и едва устоял под мощным ударом ветра. Заплескался песок, закрутились песчаные змеи... А в голове только звенящая пустота. Закрой глаза – и увидишь свинцовую рябь и груды белых костей с клочками рыжей шерсти... Вторым накатом шквала Алешку сбросило с гребня... Последнее, что он достоверно видел, – свои следы, ведущие в Уллу-кала. Алешка,

пригибаясь, побрел к крепости. Хватило сил добраться до западной стены. А там – простыню на голову, флягу на грудь и стань, как мертвый. Кто ты перед вечностью песка? Каждая крупинка здесь старше всего живого на земле. Пусть засыпает тебя прах тысячелетий. Этого хочет Дух пустыни...

В январе 1972 года Астманов, студент первого курса зоотехнического факультета Дадастанского сельхозинститута, сдавал первую сессию. Отбившись с козырей на «Истории КПСС», он, с чувством выполненного долга, намылился к двоюродному брату. У того собиралась интересная компания, и красного вина было всегда в достатке. На проходной, к своему немалому удивлению, он увидел сущего монгола в новенькой парадной шинели и в погонах лейтенанта. У ног офицера стоял внушительных размеров коричневый «дипломат» с золотистыми застежками и новшеством тех времен – наборным замком.

– Астманов вы будете? – вкрадчиво спросил «Будда» с эмблемами войск связи. – Мы можем где-нибудь поговорить?

Алешка показал на пустынную заснеженную аллею.

– Лейтенант Якубов. Место службы Кизил-Арват, – лейтенант сделал предупреждающий жест. – Не торопитесь. Я выполняю последнюю просьбу известного вам человека. Назовите его имя и место, где вы его увидели впервые. – Черные зрачки впились в Астманова, и тот понял, что лучше выдержать паузу, очевидно, вопрос был проверочным и любое неловкое слово могло все испортить.

– Ширали? Автобусная остановка за полком? – вопросительно промолвил Алешка, намеренно избегая рокового вопроса.

– Он умер два месяца назад, – лейтенант поставил чемоданчик на снег и провел ладонями по лицу, поминая умершего. – Я дал слово доставить вам содержимое этого чемодана. Будете смотреть?

– Зачем? – тоскливо спросил Астманов и уже зло добавил: – Может быть, еще расписка понадобится?

– Зачем? – передразнил «Будда». – Ширали говорил, что ты колючий... Ты и так уже расписался, где надо. Бери целиком, и с дипломатом. Хвала Создателю, что от него избавляюсь. Офицеру неприлично носить в руках такие коробки. Шифр замка ноль шесть ноль. Всего доброго. Даст бог, встретимся в лучшие времена. – Лейтенант протянул ладонь Астманову для рукопожатия, затем поднял руку в воинском приветствии и, намеренно четко сделав поворот кругом, направился к выходу из сада. Алешка автоматически отметил, что непрост связист – сапоги шитые, звездочки шелком вытканы, да и шинель из генеральского сукна, явно из ателье. Щеголь, а «дипломат» ему, видите ли, не к лицу!

В зеленом шелковом платке покоился кальян. Отвинтив чашечку, Астманов осторожно вынул переложенные ватой перстень, серьгу, узорчатый шарик со сквозным отверстием и фигурку крылатой богини. Последним на свет появился патрон. Алешка, как и полгода назад, выдернул пулю и легонько выбил коричневый клочок бумаги. Те же буквы и цифры... Последним он взял копеечный солдатский конверт: «Алиша! Ты нашел то, что стоит спрятать перед смертью. Береги. На хранителе – особая печать. Имя находки – дорджи. Остальное – за афганским Кашгузаром. Две тропы к Сары-тепа. Если зайдешь от Айваджа, правая твоя. Не спеши, сынок. Дорджи сам позовет тебя».

Дар Папаясса

«Продадим все!» – под таким девизом «Тетаконс» успешно просуществовал десять лет. Неприметное, одно из тысяч московских ЗАО, это «общество» официально оказывало всевозможные услуги посреднического характера по принципу: разрешено то, что не запрещено. А за все остальное в «Тетаконсе» отвечал Яков Семенович Самко – начальник планово-экономического управления, за глаза именуемый подчиненными – Папаясс (в соответствии с рангом и инициалами).

Управление Самко обосновалось в промзоне за Павелецким вокзалом, на изрядном удалении от центрального офиса, не участвовало в общих собраниях и корпоративных вечеринках и все расчеты производило самостоятельно. Порядки в нем были чуть ли не военные. С учетом феноменальных структурных преобразований и «работы с персоналом» по схеме «создать-набрать-уволить-разогнать», непрерывно идущих в «Тетаконсе», никто и не вникал, почему вся система электронного документооборота замыкалась на этот отдел. Был, конечно, у добродушного Якова Семеновича просторный кабинет рядом с апартаментами генерального директора, но сиживал он в нем редко, разве что в дни, когда генеральный принимал особо важных посетителей.

Благообразный, с копной седых волос над высоким смуглым лбом, Яков Семенович при первом же знакомстве с новыми сотрудниками доверительно сообщал, что у него половина родственников лежит под крестами, а другая под звездой Давида. Но глубоко ошибались те, кто так же откровенно говорил о своих семитских корнях. Упаси бог, «Тетаконс» не был скопищем тупых и злобных антисемитов! Просто Папаясс, являясь, ко всему, директором «Тетаконса» по персоналу, не терпел соплеменников рядом с собой. И к тому у отставного полковника КГБ-ФСБ были не только личные основания. Еще на первом году существования «Тетаконса» он представил генеральному красноречивый документ, где вполне научно излагалось, что все «полукровки» на порядок чаще оказываются бунтарями, психами и предателями. Что же касается смеси еврейской крови с любой другой, то Папаясс назвал ее «сущим купоросом» и положил на стол шефу два тома тогда еще малоизвестного в Москве автора Г. Климова. Когда через три дня шеф задумчиво спросил его, указывая на томики, ошетинившиеся закладками: – Яков Семенович, это – правда? – Самко, вперив в него темно-карие очи, поднял руку к потолку:

– Половина правды, ваша честь! Не по злому умыслу. Климов-то, он тоже жить хочет и живет неплохо. Правду знает только «шинбет». Да кто ж ее нам скажет?

Была у Самко особая заслуга. Он вытравил из «Тетаконса» аналитиков – племя, размножающееся в офисах со скоростью сине-зеленых водорослей. Заказы на пророчества и прогнозы направлялись в планово-экономический отдел и... исправно выполнялись, несмотря на то, что аналитики здесь не числились.

– Через год работы по нашим заказам самый тупой предсказатель поймет, что нам нужно, и будет водить нас за нос, – говорил Самко. – А потом еще спрыгнет. Есть другой путь: заказываем первичную информацию, в том числе и отвлекающую, в других конторах. На первых порах через фирму, потом – «через магазин». Это намного дешевле и безопасней. Да ведь столько зубров без дела по домам сидят... Отсев делают мои люди. Выводы – за мной.

Глава «Тетаконса» с этой схемой согласился.

Аналитическую пасеку Папаясс присмотрел поблизости от Павелецкого. Это было отделение медиа-холдинга «Росс», подминающего под себя легендарные советские информационные агентства. Первичную информацию по широчайшему спектру вопросов в «Россе» собирали по ночам студенты за приличную для них плату: десять ночных смен – двести долларов. Самко за свежую информацию по своим заданиям платил по сто баксов, выдавая гонорар незамедлительно. Встречи происходили в кафешках и закусовых на Павелецком. Для каждого

информатора было обозначено свое место и время. Дискета, флешка, реже листки, попадали в папку Самко, чья рука делала встречное скользящее движение с неизменным визитным конвертиком. Несколько слов о новом задании, и информатор уходил первым. А Папаясс рассеянно поглядывал по сторонам, допивая «Туборг». Кофе или чай на Павелецком он не употреблял.

Сегодняшний улов можно было отметить не только пивом. Новый подопечный оказался толковым малым и к выполненному заданию пристегнул черновики интересного проекта «Росса» – этакой шпаргалки для высших чиновников госаппарата: концентрат мнений зарубежных СМИ об участии отечественных олигархов в решении военно-политических вопросов. Самко тепло оглядел прыщавого рыхлого юношу и подвинул к нему второй конвертик со словами:

– Не делайте копий. Только на память. Готовьте отдельно, дома, что ли... Интересная тема... Для дипломной работы.

Ловя боковым зрением вихляющий зад уходящего студента, Папаясс упустил момент, когда у столика появился загорелый мужик с клетчатой сумкой на колесиках, по облику явно дачник. Занял место студента, выставил на мраморную столешницу тарелочку с вокзальными бутербродами. Вот тут-то и пробило Самко: какой на хрен дачник, если этот сандвич пятнадцать рублей стоит! Но по-настоящему екнуло сердце, когда на столе возник очень знакомый термос. Уже без церемоний Самко уставился на пришельца и, стараясь быть спокойным, спросил:

– Ходок? Здравствуй, что ли? Если ты, Алеша, решил удивить и напугать своим маскарадом, то считай, что цели достиг.

– Модникова ты готовил? – не поднимая головы, угрюмо спросил Астманов. – Твой кадр?

Папаясс сокрушенно кивнул, стараясь не упускать из вида две позиции: термос, на крышке которого покоилась правая рука Ходока, и его левую руку, наполовину скрытую столом.

– Мой. Надеюсь, крышку не рванешь? Алеша? И пулю не влепишь. Моя ошибка. Ну, не было другого кандидата. Я же его проверял на деле. Деньги-то он привез?

– Не части. Все ты знаешь. Только одно скажи – это случайность или вы решили со мной поиграть в подкидного дурака? Прощупать?

– Пугаешь. Это плохо, – обозлился Самко. – Я тебя подводил? По моей линии были проблемы? То-то же. Ошибку признаю. В следующий раз нормального человека пришлю.

– Следующего раза не будет. Без комментариев, – предупреждающе поднял руку Астманов. – Чайник свой бери. Как открывать – знаешь. Этот, Модников, не оставил за собой чего?

– Если у тебя без проблем, – Самко осторожно подвинул к себе термос, – то у нас все чисто. Был след, домик в Серпухове. Сгорел... Никаких привязок, ручаюсь.

Астманов опустил руку в сумку, что заставило Папаясса слегка напрячься...

– Расслабься, проехали... Держи, вот его ксивы, хотя паспорт, похоже, натуральный, да и «льготное» – тоже. Оно ему теперь не нужно.

Самко облегченно выдохнул:

– Спасибо, Алексей. Я тут голову ломал. Говорили мне, дерзкий парень... Значит, царствие небесное!

– Это не нам судить, какое ему царствие, – поморщился Астманов. – А насчет дерзости... Отморозок он был, это точно. Все, откат нормальный. Уходи первым, Семенчик.

– Постой. Услуга за услугу. Прости, не то хотел сказать, но ты же знаешь закон подлости в таких делах, за одного идиота троих приходится подставлять. Ты с меня такое позорище снял... Вот, слушай. Помнишь, тогда, в восемьдесят первом, в редакции, ты рассказывал о Шамбале, о ваджрах, ну этих, громобоях. Помнишь, ты говорил – Шамбала рядом, рисовал эти палицы?

– Помню, – с досадой отозвался Ходок. – Если ты решил вечер воспоминаний устроить, так я вспомню, как ты меня, за малым, не сдал своим кровососам в Ташкенте...

– Леша, ну кто я тогда был? – опустил голову Самко. – Капитана досрочно получил, зелень. Другое время было. Закружило... Да ты послушай! Сказки про твои древнеарийские лазеры никого из наших не интересовали. Рерих, Блаватская, Шамбала – это для ученых дамочек, чтобы их в постель красиво уложить. А вот месяц назад – публикации валом пошли! И почти в каждой намек – есть в России эти ваджры...

Астманов поморщился:

– У нас теперь, как в Греции, – все есть! Ты с какого бодуна в мистику ударился?

– Не пью и не тянет, Алеша. А вот еще смешной случай. На тусовке одной речь о камешках зашла. Так вот, солидный человек утверждал, что есть у него осколок этой ваджры. Черный алмаз. Лечит, удачу приносит – все такое... А тут «барби», девка его, из породистых, масла в огонь подлила, мол, сколько же такое чудо в целости стоит. Он на секунду притормозил, а потом ткнул пальцем за окно, на «Лейтон», здание офисное, новое, и говорит: «Этот крейсер – стартовая цена». Пошутил, вроде посмеялись. Только шутить он не может и не любит – машина счетная! И еще, когда мы подкатили с предложением поискать остальные части камня, то он сначала интерес проявил, а потом просто перестал с нами общаться, будто кто ему нашептал....

– Мне-то ты зачем это говоришь, – Астманов полез за сигаретами, но, вспомнив, что стоят они в зале ожидания, не закурил, а стал постукивать пачкой по мрамору. – Я в ваших тусовках не участвую. Да и обмен у нас последний состоялся. Все, иссякла жила.

Самко хохотнул:

– Не та уже выдержка, Ходок! При том, что тебе это интересно. Ты же рисовал тогда и диск, и «гантель», и крестик чудный, у которого концы ромбические. Так вот, человек этот нам показал фотографию камешка. Другим в новинку, а я этот профиль на твоём рисунке видел.

– Слушай, ты, Достоевский, войди в Сеть, запроси все эти буддистские бредни и там не такое найдешь. Прощай!

– Нет, Алеша, дарю все: во-первых, когда ты этим болел, Интернета у нас не было, во-вторых, очень уж совпадает излом, знаешь, такой, серпиком, ты и его рисовал. Я, Леша, с этим делом связываться не буду. Не мой уровень. А ты, если что знаешь, смотри: большие деньги – большие страсти. Вот теперь прощай. На этот раз я первым уйду, чтобы тебе не так беспокойно было.

Самко дружелюбно прикоснулся к руке Астманова и не торопясь зашагал к эскалатору. Ходок смотрел ему вслед со смешанным чувством злости и благодарности. Пусть даже и врет, что не будет искать, с таким заделом не удержаться! Но ведь предупредил...

Тут же, на Павелецком, он сдал билет на поезд «Москва – Порт-Ветровск» и у кромки привокзальной площади отыскал автобус, следующий в Ростов. По итогам «визита» окольный путь гарантировал хотя бы минимум безопасности. Автобус тем и хорош, что можно выйти там, где вздумается пассажиру, днем ли, ночью. Да и по времени в Порт-Ветровск он должен был прибыть раньше поезда, огибающего мятежную Чечню Сальскими степями, на десять часов. Этого времени хватало для организованного отхода.

Последний легион империи Кундуз, май 1981 г., 201-я мотострелковая дивизия

Редакция газеты «За честь Родины» состояла в штате 201-й мотострелковой дивизии. И поскольку Астманов принял на себя обязанности корреспондента, то, будь добр, изучай историю соединения, пропагандируй славные боевые традиции! Таков был справедливый приговор редактора. Астманов не возражал, но, правда, заметил: «Подвиг дедов будем славить?» – намекая на то, что ограниченный контингент советских войск в Афганистане в основном состоял из детей невоевавших отцов. Выпал такой счастливый период России, что выросло и вырастило детей поколение, пороку не нюхавшее.

Пролистав за день все доступные материалы в политическом отделе, Астманов отчаялся. Обсосанные фразы, плод творчества дивизионных пропагандистов, ни уму, ни сердцу ничего не давали. И совершенно было непонятно, почему солдат должен гордиться именно своей 201-й мотострелковой дивизией. Из тупика помог выйти подполковник Русаков. Должность у него была замечательная – заместитель начальника политотдела по работе с местным населением.

– Допуск есть? – усмехнулся Рысков, выслушав сетования корреспондента. – Иди в штаб, выпиши исторический формуляр дивизии и, в разумных пределах, используй. Конечно, и там не все правда, но брехни поменьше будет. Это, брат, документ!

Пожелтевшие, ломкие страницы формуляра действительно воскрешали время. Астманов погрузился в разбухшие тома, как в увлекательный исторический роман.

Само рождение дивизии было замечательным: в мае 1943-го ее спешно сформировали из пограничной бригады НКВД, имевшей боевой опыт со времен финской кампании, бригады внутренней охраны Ленинграда, три года воевавшей с диверсантами, ворами и мародерами, и частей морской пехоты Балтийского флота. Такая, даже изначально обреченная на гибель, «болотная» дивизия не могла исчезнуть бесследно. Пограничники, стрелки НКВД и морские пехотинцы. Это была гремучая смесь!

В тесном закутке секретной части Астманов делал пометки, переписывал наиболее интересные, на его взгляд, данные из журнала боевых действий дивизии:

«...20 января 1944 года подразделения 92-го стрелкового полка вышли к полотну железной дороги Гатчина – Владимирская у села Большое Замостье. Высокая насыпь была превращена противником в линию обороны. Старший лейтенант М. Миронов со своей ротой в ночной атаке сбил немцев с насыпи. Миронов был ранен осколками мины в обе ноги. В течение 15 часов, до подхода основных сил полка, рота удерживала позиции, уничтожив 240 гитлеровцев.

...В течение 25–26 января 1944 года противник потерял около двух тысяч солдат и офицеров, были захвачены трофеи: пулеметов – 20, минометов – 5, стрелкового оружия – 153. Наши потери составили: убитых – 142 человека, раненых – 734, пропавших без вести – 15.

...С 22 по 31 января 1944 года дивизия вела непрерывные наступательные бои. За это время освобождено более 55 населенных пунктов.

Нанесены потери противнику: убиты и ранены более 6000 солдат и офицеров. Уничтожено: пулеметов – 50, винтовок – 150, танков – 2, бронетранспортеров – 3. Захвачено: лошадей – 68, полевых орудий, тягачей – 25, самолетов – 3 (из них один неисправный).

...1 марта дивизия, имея в первом эшелоне 92-й и 122-й стрелковые полки, перешла в наступление в направлении Сиргала... Дивизия встретила исключительно упорное сопротивление противника, укрепившегося в лесном массиве и по западной окраине болота вост. Сиргала.

Перед фронтом наступления дивизии оборонялись части 170 ПД, пополненные личным составом и техникой.

За время наступления дивизии с 1 по 10 марта дивизия продвинулась от 1 до 2 километров, нанеся противнику следующие потери: убитыми и ранеными – 2500 человек, захвачено – 20 пулеметов, 130 винтовок.

В ночь с 9 на 10 марта боевой участок был передан 131-й стрелковой дивизии. С 12 по 26 марта дивизия, выйдя во фронтовой резерв, пополнилась личным составом и вооружением.

С 27 по 31 марта дивизия вела бои в составе 117-го стрелкового корпуса... Успеха не имела».

Астманов понимал, что даже в таком документе, как исторический формуляр, далеко не вся (и не все) правда. К примеру, записано, что дивизия продвигается на один-два километра, уложив две с половиной тысячи фашистов, а затем отводится на переформирование. Из документов за два месяца исчезает фамилия комдива Якутовича, меняются командиры полков. Ни слова о своих потерях, об «эпидемии», скосившей командование дивизии... «Успеха не имела» – скупое гласило о тех днях главный исторический документ. Мог ли знать Астманов, что через шестнадцать лет он будет вновь вчитываться в пожелтевшие страницы солидных томов и медленно соображать, что же заставило «штабных» выбросить из истории дивизии ровно половину своей же афганской истории, с 1981-го по 1985 год. Но это будет в середине девяностых годов в «суверенно-послевоенном» Таджикистане, когда дивизия станет «последним легионом империи» в самой отдаленной ее колонии. И вот ведь совпадение: последней дивизия вошла в Афганистан, последней вышла. А пока на дворе год 1981-й...

В военно-исторических изысканиях Астманов провел три дня, какие редко выпадают военному человеку и помнятся долго и благодарно. На четвертое утро, вместо выдачи очередного тома формуляра, секретчик, ехидно улыбаясь, передал ему предложение посетить заместителя начальника особого отдела дивизии...

А наутро рано вызвали в отдел...

«Если в армии служить, то в редакции или особом отделе», – говаривал первый редактор Астманов – капитан Хараненко. Впрочем, несмотря на глубокое понимание ситуации, именно особисты его не привлекали по ряду причин. Особенно армейских «гебистов» злило, что Хараненко неизменно за двадцать метров до встречи с сотрудниками особого отдела радостно орал на весь военный городок:

– Привет, контрразведка! Ну, сколько шпионов поймали?

Государственная безопасность – это навсегда и везде. Главное – правильно понимать эту самую безопасность. Ну, разве не правы были особисты, держа на крючке армейцев всех чинов и возрастов за воровство, продажу боеприпасов, самогоноварение, блуд и редкую в те годы, но очень опасную, в военно-политическом и уголовном смысле, педерастию. Черное духовенство армии! Подержат, препарируют и сдадут в прокуратуру, если, конечно, нет прямых признаков измены Родине. И коль уж скажут, что мысли, слова и дела твои – незрелые, благодари Бога и соглашайся – покаяние в незрелости принимали. Работа не мед, конечно, но особистов уважали, окружали легендами и боялись – это точно. В самых стесненных условиях особому отделу для размещения отводили очень приличное место, которое тут же превращалось в маленькую крепость.

Особый отдел 201-й дивизии в этом смысле не был исключением – он занимал половину штабного барака. В другой разместился политотдел, а в середину, очевидно в качестве буфера, втиснули военную прокуратуру гарнизона, для которой прорубили незапланированный выход. Взянешь лишнее – пропустят через политотдел. Упорствуешь в заблуждении – вразумят в особом отделе. Не унимаешься? Военный прокурор тебе судья! Видел как-то Астманов этого прокурора. Ладный такой мужичок, на Ленина чем-то смахивал, нет, не лысиной, а живостью и ласково-засасывающим взглядом. Да, вот еще: на кителе прокурорском орденская планка из трех боевых орденов. Боевой, значит, прокурор, ибо свято Астманов верил тогда, что ордена даром не дают даже тогдашнему Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Пусть за прошлые, но ведь реальные боевые заслуги дали!

Астманов нажал черную кнопку звонка. За обитой оцинкованной жестью дверью возникло движение, и, вгоняя в кровь добрую порцию адреналина, рыкнул замаскированный динамик:

– Слушаю. Кто нужен? Говорите!

– Старший лейтенант Астманов. К подполковнику Храмцову.

Дверь немедленно отворилась, не положено светиться на крыльчке особого отдела, мало ли зачем пришел сюда солдат или офицер, но в предбаннике, в обществе двухметрового блондина, вооруженного «АКСУ», Астманов провел минут десять. Все правильно: клиент должен созреть, почувствовать вину, в крайнем случае засомневаться в чистоте своих помыслов перед лицом хранителей державы.

Беседа с Храмцовым была очень содержательной. Особист по полной схеме оторвался за нарушение режима секретности, поскольку Астманов занес в блокнот полные действительные наименования полков и отдельных батальонов, да еще привязал к ним номера полевой почты. Затем прозвучало имя Рахима-Романа-дукандора, с весьма нелестными эпитетами, и настоятельная рекомендация пореже появляться «в этой грязной лавчонке». Далее сухоощавый нервный подполковник смягчился и даже спросил о творческих планах. Астманов понял, что наступает момент истины, и очень желал оттянуть его. Блокнот – это повод. Не блокнот, так анекдот «антисоветский» про главу государства или еще что... Дуканщик Рахим – предупреждение: не лезь на чужой явочный пункт, не качай информацию из чужих источников. Выхо-

дит, не прокололся «Роман Рахимович», иначе разговор пошел бы в ином ключе, если не в ином месте...

– Ты же, Алексей, когда-то в Комитете хотел служить, – вдруг задушевно сказал Храмцов.

– Хотел, – вскинулся Астманов, почувствовав, что может перехватить инициативу, пусть даже петля затягивалась мастером. – Потом в науку хотел, потом в литературу хотел. А когда принял решение, то ваши территориалы старым посчитали. Мол, возраст. Это двадцать девять – возраст? Или то причиной, что шишки-педерасты выписали мне волчий билет, в родном городе, не без помощи Комитета?

Нет, не пробить Храмцова, не взял его праведный гнев лейтенанта, он четко придерживался своей линии.

– Ты вот, к примеру, не знаешь, что под боком твой коллега служит. Вам не нужны хорошие военкоры? Между прочим, с высшим образованием парень, журналист.

Астманов с тоской понял, что сейчас последует призыв к сотрудничеству.

– Будешь работать в противотанковом дивизионе, поинтересуйся, Шадиев, – продолжал Храмцов. – Говорят, роман пишет на досуге, но только на узбекском языке. Интересно, что он пишет...

Астманов обреченно кивнул. «Добровольное сотрудничество» с Комитетом для журналиста – условие непереносимое, конечно, но так хотелось хотя бы в Афгане отряхнуться...

С «узбекским коллегой» из противотанкового дивизиона Астманов познакомился на следующий день. Он нашел в боевом охранении рядового Шадиева, выдал из него две заметки, пролистал наброски повести лирического содержания, где ни слова не было про Афганистан, а юные любовники носили возвышенные имена Малика и Баходыр и трудились в газете Бустонлыкского района Кашкасуринской области. С этой ценной информацией Астманов немедленно отправился к Храмцову, благо было по пути, мечтая, чтобы особист не выдумал нового задания.

– Ошиблись ваши источники, – скорбно заговорил Астманов, – никакой он не журналист. Окончил педагогическое училище, райком определил его в газету. Пишет о своей работе в печатном органе. Между прочим, он даже домой не сообщил, что в Афгане служит. Бойтся мать огорчить. И вообще на вид – ребенок, глаза чистые, обрадовался... Так что зря вы...

– Молод еще судить, что зря, что не зря, – оборвал Храмцов, – вот по рукам пасквиль гуляет «Теркин в Афганистане», стихи. Не встречал?

– Нет, не приходилось, я Твардовского не очень, – машинально ответил Астманов. – А что, смешная поэма, подражание... Как «Энеида» Котляревского? Большая? – Слова выпархивали почти бездумно, по принципу допустимого соответствия, а бурчание Храмцова по поводу того, что одного отщепенца уже посадили за передачу на Запад клеветнического афганского дневника, воспринималось чуть ли не мозжечком...

Перстень! Желтый перстень на правом среднем пальце подполковника, как две капли воды схожий с тем, что завещал Астманову Ширали...

– Этот перстень... Откуда? – выдохнул Алексей и через секунду пожалел, что не сдержал эмоций.

– Э, корреспондент, да ты непрост... Так я и думал! Поэт-зоотехник-журналист! Ишь глаза-то загорелись. Ну, выкладывай, что про кольцо знаешь?

Слова подари, Господи! Нельзя молчать, вцепится – не оторвешь!

– Это не кольцо. Перстень. Знак принадлежности к знатному роду. Считался достоинством мужчины, так у Хайяма сказано. Работа скорее греческая или повтор по их канонам. Можно посмотреть поближе, товарищ подполковник?

Храмцов, не отводя глаз, стянул перстень:

– Что-то ты знаешь, корреспондент. Не темни... Молод еще... Вижу, непростой перстень? Так? Уже встречал здесь что-то подобное?

А вот теперь и ты прокололся, товарищ полковник. «Здесь!» Что ж, попробуем обменяться информацией.

– Если известно место, где его нашли, в слое, разумеется, в земле, то могу назвать примерно век, культуру.

– Ишь ты, в слое, – передразнил особист, – там такой слой снимали... Достаточно тебе, если скажу, что нашли за Мазари-Шарифом, у нашей границы. Сняли с духа. Этого хватит?

– Нет. Он мог его откуда угодно притащить. Зацепка одна: работа очень напоминает бактрийскую. Второй—четвертый века до нашей эры... А Мазари-Шариф – Балх, провинция. Здесь был центр Согдианы, Бактрии, пока кочевники не прошли.

Храмцов протянул сухую узкую ладонь, и Астманов, не скрывая сожаления, положил в нее перстень:

– Есть еще деталь. Золото у них было мягкое. Видите, грани острые. Значит, не носили особо этот перстень. Он скорее всего из могильника. Если так, то примета нехорошая есть...

– Не пугай, дед, мудями! – довольно рассмеялся Храмцов. – Темнила ты, корреспондент. Ерунду всякую несешь, пока ответ обдумываешь... Но, вижу, есть у тебя интерес. Давай так: тебе ездить по гарнизонам сам бог велел. Если что такое увидишь – делись информацией. Закон разведки знаешь?

– Какой из? – протянул Астманов.

– А такой: ты мне – я тебе. И тухлятину, теории всякие, мнения свои не поставляй, прошу.

– Классика, – засмеялся Астманов. – Это же как у Салтыкова-Щедрина, чтобы агентом не воняло?

Храмцов поморщился:

– Тяжело с вами, интеллигентами. Все отвлекаете, путаете... Так вот, я место назвал. Скажу, что есть где-то рядом то ли клад, то ли захоронка, оттуда и золото. Транспорт нужен будет, связь, выезд организовать – от моего имени к нашим сотрудникам в полках обращайся, помогут... Да вот еще тебе предупреждение: не пой ты похабных песен на ваших попойках, плохо кончится. Мне все одно, а вот политотделы тебе, коммунисту, не спустят.

– Каких песен, – искренне изумился Астманов, – анекдоты, может быть?

– А таких – про танкистов, про особый отдел. Теперь в Пули-Хумри поют. Дружок твой, Новиков, туда притащил.

– Это «наутро рано вызвали в отдел»? Товарищ подполковник, ну фронтовой же фольклор, не сам же придумал. Но, каюсь, в детстве от инвалида-самовара слышал.

– Какого еще самовара? – нахмурился Храмцов, понимая, что Астманов ерничает.

– Да это были такие, без рук, без ног. Их там, где я жил, на базар выносили, сажали, и они песни пели всякие... А у меня память в детстве хорошая была. Да еще мы им сигареты прикуривали, мелочь охраняли...

– Ну, хватит. Постарше тебя, не такое видел, – буркнул Храмцов, – у самого дядька на утюжках катался. Иди. Теперь дорогу знаешь. Да брось смущать штабных изысканиями в формуляре. Они этого не любят.

Странную гамму чувств переживал Астманов, пока брел под жгучим солнцем к редакции. Досаду, злость на самого себя, предчувствие удачи и тревогу. Над взлетной полосой, пронзительно курлыкая, плясала пара «МИ-24». И, вдохнув полной грудью коктейль из пряной пыли и керосиновой гари, в какофонию вертолетного вальса Астманов добавил свою тему. Во всю глотку заорал:

Первая болванка попала танку в лоб,
Механика-водителя вогнала сразу в гроб!
А наутро рано вызвали в отдел:

- Отчего ты, курва, вместе с танком не сгорел?
- А я им отвечаю, я им говорю:
- В следующей атаке обязательно сгорю.

Между тем не орать бы Алешке от избытка чувств крамольные песни, а остановиться, оглянуться, может быть, и увидел бы, что отогнута на окне Храмцова зеркальная термопростыня, в какую «груз-200» да «груз-300» оборачивали (убитых и раненых), чтобы не жарились под афганским солнцем, и смотрят ему вслед двое.

– Вот такой интересный объект, – наставительно говорил худощавому смуглому лейтенанту Храмцов. – На срочной службе чудеса творил. Явно гуманитарий, а по образованию – зоотехник. Опять же сюда рвался прямо-таки. С афганцами общается, как я с тобой. Так что, Яша, бери в разработку. Сразу тебе скажу: он к агитотряду прилепится, там будет езда по всем направлениям, месяцами. БАПО – боевой агитационно-пропагандистский отряд, слышал о таком? Руководить им будет Русаков из политотдела. Вот с ними и пойдешь. Официально, как представитель особого отдела. Понятна задача, Яков Семеныч?

Знал бы тогда лейтенант Яков Самко, что задача эта растянется на двадцать лет и станет частью его судьбы, бухнулся бы в ноги Храмцову, мол, не погуби, отец родной. Но без тени сомнения тряхнул копной темных волос и глухо пристукнул резиной каблуков. Верно говорят, что простота – хуже воровства, да недоговаривают! Бегите от простых задач, особенно когда их ставят вам мудрые люди. Они уже вкусили от простоты и теперь делятся с вами ее смертельной горечью.

А вот работу с историческим формуляром и архивами дивизии Астманов продолжил. Но случилось это через пятнадцать лет, в другой стране.

Картограф

Воину не стоит задумываться над тем, куда и зачем его посылают. Все одно – пошлют. Его дело: победить и выжить. Иногда эти две задачи сливаются в одну. Бывает и так, что личная безопасность равняется государственной. Но это особый случай, и к излагаемым событиям он отношения не имеет.

Ну, скажите, какой выбор был у солдата и офицера, когда впереди маячил Афганистан? Жизнь была так устроена, что с пеленок звала к подвигу, жертве «во Имя»... Неважно чего! Ну, скажем, во имя и на благо некоего Человека. Станет от этого понятней? А если еще в крови гуляет кровь ариев, скифов, гуннов, кипчаков, норманнов и прочих боевых легендарных племен? Если герои ни отца, ни мать не жалеют «во Имя», да «на миру и смерть красна»?

Нетрудно было бросить в Афганистан сто тысяч бойцов – могуч был Советский Союз своим живым военным весом. Труднее было занять их делом для поддержания боевого духа, ведь подвиг требует постоянного напряжения. А чертовы «душманон инкилоби Саур» (враги Апрельской революции) в лобовую атаку не шли, под танки не бросались, предпочитая повсеместное пассивное сопротивление. «Душманони» обнаруживали хорошее знание партизанской тактики времен Великой Отечественной войны и более современной. Как будто ими Ковпак с Че Геварой с того света руководили. Это было возмутительно! Ведь ничто так не разлагает регулярную армию, как борьба с партизанами. И тогда советские военно-политические умы приказали именовать афганских партизан – бандитами, а их отряды – бандформированиями. Очевидно, к этому умозаключению их привела тень белорусского гауляйтера.

Эти «незрелые» размышления одолевали Астманова не от праздности. Вызавшись курсировать с боевым агитационно-пропагандистским отрядом дивизии, он получил от подполковника Рыскова обширное задание «изучить обстановку в зоне деятельности отряда.

Астманов уже видел, из чего состоит БАПО – этот «инструмент психологической борьбы». Два танка, пять бронетранспортеров, две боевые машины пехоты, полевая армейская кухня, водовозка и «КамАЗ» с гуманитарной помощью «афганским товарищам на местах». Собственно рабочая часть отряда состояла из пропагандистской группы, концертной бригады и медиков – врача и двух медицинских сестер из дивизионного медсанбата. Была и специальная техника: батарея мощных динамиков на БРДМ (видом напоминавший недоношенный бронетранспортер) и автоклуб с замечательным устройством, позволявшим показывать фильмы в дневное время. (По ночам в Афгане крутилось другое кино – захватывающее и бесконечное, как «Семнадцать мгновений весны». Разумеется, сеансы с наибольшим «кассовым сбором» шли там, где стояли части ограниченного контингента советских войск.)

Дебют БАПО должен был состояться в провинциальном центре Кундуз. Далее, по плану, следовал «бандитский» Ханабад. Этот небольшой городишко уже наполовину лежал в руинах, но вот что примечательно – дуканы, банк, электростанция – все работало, и мосты были исправны. Но это – полдела: отряду предстояло крепить советско-афганскую дружбу в долине реки Кундуз, в бесконечном лабиринте кишлаков, а также в уезде Имам-сахиб, на родине одного из лидеров «душманони инкилоби Саур» – Гульбедин Хекматияра.

Астманов подавил в себе досаду на то, что ему не удалось протолкнуть идею о приоритете работы отряда в восточном направлении, поближе к Ташкургану. Оттуда рукой было подать до Кашгузара и заветной высоты с отметкой 503 на картах Генерального штаба. Рысков отмахнулся, дескать, там пока все спокойно, и был прав: что, скажите на милость, делать «душманони» в песках Качакум? Там и воды для намаза не сыщешь! Возможно, конечно, омовение песком, но это особый случай!

Кундуз, Кундуз... Ой, недаром на фарси и пушту половина твоего имени созвучна слову жопа (куна, квана). Но это сущая неправда – имя городу дала старая пограничная крепость!

Из Ташкента подвезли пропагандистскую литературу и листовки. Просматривая четвертушки пожелтевшей газетной бумаги с подслеповатой печатью, Астманов забеспокоился: лидеры афганской контрреволюции, конечно, сволочи, как и все политики, но в листовках они изображались в обличье бесов христианского иконописного канона, а тексты содержали обвинения их во всех мыслимых грехах, среди которых педерастия выглядела самым невинным.

– Есть возражения. – Астманов выложил перед Рыковым образцы листовок. – Афганцы, конечно, любят новости, но брехни не любят. За лжесвидетельство у них сурово карают. И картинки у мусульман не в почете. Пророк не одобрял художеств...

– Это, брат, наверху решают, что раздавать и кому. Ты насчет брехни подробней. Есть возражения против текстов?

– Есть. По лидерам контрреволюции. Они здесь все мздоимцы, капиталисты, педерасты, садисты и прочая нечисть. А теперь кто есть кто: Хекматияр – политикой занимается десять лет. Троцкий! Экстремист, но то, что его в связях с ЦРУ обвиняют, – брехня! Он же один из столпов «Братьев-мусульман». Кто ему в Штатах деньги даст? Там другие источники – арабские. То же и Саяф. Теперь, Раббани, Гилани, Моджадедди, Мухаммади – они известные религиозные деятели, богословы, улемы. Их слово – закон для верующих. А мы их в грехах обвиняем? Сами-то тушенку свиную едим, курим, водку пьем среди бела дня, а ведь Рамазан идет – Великий пост. Выходит, не они, а мы трясем столпы веры.

– Видел я твоих правоверных, не далее как вчера. Водку жрут вместе с нами и не хуже нас, и салом закусывают. Опять же, кто нашим бойцам продает шароб, анашу, ханку? А кто в этот святой Рамазан фугасы на дорогах ставит да колонны жжет? И насчет картинок ты меня не смущай. Сколько у них порнухи в дукалах. Да за такие журнальчики, карты, презервативы, фильмы – в Союзе статья светит... И что, бачабозы – это наше изобретение? Давай лучше по обстановке. Что там может ожидать?

Сраженный обратной стороной истины, Астманов покорно достал из полевой сумки сложенную в гармошку карту-двухсотку. Рыков минуты три рассматривал пометки на маршруте, а затем тоном, не предвещающим ничего хорошего, спросил:

– Алексей, что это за «А», «Б» и «Г» рядом с населенными пунктами и вот эти красные черточки? Что-то новое в топографии?

– Анатолий Егорович, – убедительным тоном начал Астманов. – Красные черточки – это куда соваться на технике не стоит. Там, информация надежная, мины.

– По твоим данным, нам с дороги не сойти. Так? А буквы?

– Ну, «А» – это наша артиллерия осколочно-фугасными кишлячок раздолбала. «Б» – это бомбами и «нурсами» накрыли, бомбоштурмовой удар, «бэшэу» то есть. А «Г» – это где «зеленые» при нашей поддержке кишлячки чистили, ну грабили, конечно. Реализация разведданных... В этих местах кого агитировать? Сплошные моджахеды там, после наших визитов. Душмане, одно слово, товарищ полковник.

– Я тебе покажу, душмане-моджахеды. По твоим сказкам-раскраскам, нам никуда соваться нельзя. Все. Карту твою я не видел, понятно? Не смущай народ. Забираю навсегда. С утра быть в готовности к выезду.

– Анатолий Егорович, они там еще друг с другом насмерть бьются и в свои зоны никого из властей не пускают. Так и советовали: сами, мол, приезжайте, а хадовцев, царандоевцев – не берите.

Рыков грохнул крепким волосатым кулаком по столу:

– Хватит издеваться! Мы обязаны брать с собой представителей власти. Пусть учатся в народ ходить. Это их революция, в конце концов! Конечно, опасно, поэтому и название – боевой агитотряд. И спрячь эту свою улыбку идиотскую – я тебя прошу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.